МАРИ ЛЮБРОН

НЕБО ОСТАНЕТСЯ БЕЗ ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мари Люброн

Небо останется без Тебя

«Автор»
2026

Люброн М.

Небо останется без Тебя / М. Люброн — «Автор», 2026

На исповеди Марианна признаётся отцу Адриану, что выдумала измену мужа своей подруги. Ей хотелось стереть с лица Жизель эту счастливую улыбку. Странно только одно — прежде чем открыть рот, она услышала у самого уха: «Скажи это, разбей её радость». В тот же вечер в пабе Адриан встречает человека, который откуда-то знает подробности исповеди.Мору забавляет, как мало нужно шепнуть человеку, чтобы он сделал то, чего давно хотел. В Вероле ей могло бы быстро наскучить, если бы не местный священник. Стоило ей стать невидимой, как отец Адриан посмотрел ей прямо в глаза и схватил за руку.Теперь он слышит каждое слово, которое она шепчет другим. А она хочет услышать от него всего два: «Не уходи». В ту ночь, когда прихожанин застаёт их вдвоём за пабом, Адриан впервые жалеет, что так и не произнёс этих слов.Это не сказочное фэнтези. В книге присутствуют жестокие психологические манипуляции, физическое насилие и морально тяжёлые выборы героев. Финал оставляет горькое послевкусие.

© Люброн М., 2026
© Автор, 2026

Мари Люброн
Небо останется без Тебя

«Кто сражается с чудовищами,

тому следует остерегаться,

чтобы самому при этом

не стать чудовищем».
Фридрих Ницше
«По ту сторону добра и зла», § 146
Об авторе
Мари Люброн — автор романов «Глотка» и «Бесовки».
«В моих книгах реальность иногда становится началом истории. А где она уступает место вымыслу — пусть останется тайной».
Мари Люброн
НЕБО ОСТАНЕТСЯ

БЕЗ ТЕБЯ
Роман
2026
Небо останется без тебя
Мари Люброн
© Мари Люброн, 2026
Все права защищены.
Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или распространена в какой-либо форме без письменного разрешения правообладателя, кроме случаев, предусмотренных законом.

Глава 1

— Отец Адриан, я знаю, что у меня есть свои слабости. Но от некоторых очень трудно отказаться.

За деревянной решёткой исповедальни голос звучал тише обычного. Адриан различал край светлого платка и сцепленные пальцы Марианны.

— Слушаю вас.

— Мы с подругами играем по вечерам в лото, пьём вино. Вчера к нам зашла Жизель. — Марианна замолчала, вцепившись в край перегородки. — Она так гордилась своим садом, своим мужем. Сидела и улыбалась, а я смотрела на неё и уже не могла выносить эту её беззаботность. Я наклонилась и сказала, что видела машину её мужа у городского мотеля.

Адриан приблизился к решётке.

— Вы действительно её видели?

— Нет, отец, я всё выдумала. — Марианна судорожно вздохнула. — И хуже всего, что мне было приятно это говорить. Будто кто-то стоял за моей спиной и шептал: «Скажи это, разбей её радость». А сегодня утром Жизель выгнала мужа. Говорит, подаст на развод. Мне страшно. Я сломала ей жизнь просто из зависти.

Адриан помедлил с ответом. Марианна ждала, сгорбившись за решёткой.

— Вы пойдёте к Жизель, Марианна, и скажете ей правду.

— Она меня возненавидит.

— Она должна узнать, что вы солгали. Начните с этого.

Он выслушал её до конца и прочёл молитву отпущения грехов.

После ухода Марианны Адриан вернулся в ризницу, снял столу и надел кожаную куртку. Забрав ключи, он направился к выходу. Боковая часовня тонула в сумраке. Он погасил оставшиеся свечи гасильником; над фитилями потянулись дымные нити. Запах горячего воска стал резче. Тяжёлая дверь закрылась за ним со щелчком.

Дома он переоделся и спустился в гараж.

Глава 2

Адриан выкатил чёрный мотоцикл из гаража на подъездную дорожку, завёл двигатель и выехал на улицу.

Паб встретил его запахом жареного мяса и гулом голосов. Фредерик сидел за столом у окна.

— Иди к нам. Макс как раз объясняет, почему мне пора менять личную жизнь.

Адриан положил шлем на свободный стул и сел рядом с друзьями.

— Что случилось?

— Муж вернулся раньше, — сказал Макс. — Теперь Фредерик возмущается, что его не предупредили.

— У неё было время позвонить, — огрызнулся Фредерик. Его пальцы нервно рвали картонную подставку. — Он чуть не высадил дверь. Ещё минута, и скандалом бы не обошлось. Я видел его глаза, Макс. Он хотел убить нас обоих.

Пока Адриан заказывал пиво, к столу подошёл Луи.

— Хороший вечер, отец Адриан? Сразу из церкви — и сюда.

— Заезжал переодеться. Присаживайся.

Луи оглядел его куртку.

— Мой отец считал церковь своим делом и знал в ней каждую мелочь. А ты здесь пьёшь с теми, кто прыгает в чужие постели и разрушает семьи.

Отец Луи много лет был церковным смотрителем. Сын до сих пор сверял с заведённым им порядком всё, что делал Адриан.

— Если есть претензии к моей работе в приходе, приходи завтра, обсудим. А с кем мне ужинать, я решу сам.

Луи сжал губы и вернулся к стойке.

На экране началась трансляция скачек. Макс выбрал третью лошадь, Адриан — пятую. У края стойки сидел Оскар в потёртом пальто, вытягивая шею к телевизору. Адриан поставил шлем на пол, освобождая стул.

— Оскар, садись к нам.

Тот пересел, согревая ладони о чашку чая.

— Пятая хорошо идёт по мокрой дорожке, — произнёс он, следя за скачками.

На последнем отрезке пятая вырвалась вперёд. За соседним столом радостно застучали кружками. Макс с Фредериком рассмеялись, глядя на экран.

— Откуда ты знал? — спросил Адриан.

Оскар повернулся к нему.

— Люди часто говорят о том, чего не видели, отец: о чужих постелях, о машинах у мотеля. Просто кто-то стоит за их спиной и шепчет на ухо.

Адриан почувствовал, как похолодели пальцы. Оскар повторил подробности, которые Марианна только этим вечером доверила ему в исповедальне. Оскар уже снова смотрел скачки, отпивая чай.

— Откуда ты знаешь про машину у мотеля?

Адриан наклонился к Оскару. Тот держал чашку обеими руками, устроив её на коленях.

— На улице слышал, как женщина говорила.

— Ты её знаешь? Как она выглядела?

— Голос молодой. Смеялась ещё, будто рассказывала что-то забавное. Я сначала подумал, телевизор у кого-то громко работает.

Адриан вспомнил пальцы Марианны, стиснувшие перегородку исповедальни, и её страх перед Жизель. Возможно, она успела рассказать о случившемся кому-то ещё. Но откуда взялись слова про шёпот за спиной?

Входная дверь ударилась об ограничитель.

Плотный мужчина в расстёгнутой куртке остановился на пороге и оглядел зал. Фредерик побледнел.

— Вот ты где, сука.

Мужчина направился к их столу. Макс поднялся ему навстречу.

— Давай выйдем и поговорим.

— С тобой я потом поговорю. Отойди.

Он толкнул Макса плечом и остановился напротив Фредерика.

— Дома ты был гораздо тише. А здесь уже весело?

Фредерик встал, отодвинув стул.

— Я сижу с друзьями. Тебя мы вообще не обсуждали.

— Мне сказали, ты здесь хвастаешься, как трахал мою жену.

— Кто тебе это сказал?

Мужчина схватил его за рубашку и ударил в лицо. Фредерик отшатнулся, зацепил ногой стул и, ударившись о край стола, упал на колени. Из разбитой губы потекла кровь.

Адриан вскочил. Нападающий уже тянул Фредерика вверх за воротник. Адриан ухватил его за предплечье, Макс зашёл с другой стороны.

— Отпусти его!

Мужчина резко развернулся. Локоть пришёлся Адриану в грудь; тот упёрся ногой в пол и удержал захват. Хозяин выбрался из-за стойки и вместе с Максом оттащил нападающего от стола.

— Хватит! — Адриан встал между ним и Фредериком. — Ещё один удар — и ты можешь его покалечить.

— А он обо мне думал? О моих детях?

Мужчина рванулся вперёд, волоча за собой хозяина. Адриан упёрся ладонями ему в грудь.

— Смотри на меня. Сейчас ты остановишься.

— Ты же священник. Какого хрена ты его защищаешь?

— Я разнимаю драку. Разбираться со своей семьёй будешь без кулаков.

У стойки Луи говорил по телефону, сообщая адрес паба. Люди отодвинулись от прохода. Женщина за соседним столиком прижимала к себе сумку; её спутник поднялся, освобождая хозяину место.

Втроём они оттеснили мужчину к стене. Адриан перехватил его за плечо. Тот тяжело дышал; на шее вздулась вена, пальцы всё ещё цеплялись за обрывок ткани, выдранный из рубашки Фредерика.

— Полиция едет, — сообщил Луи.

— Пусть едет! Пусть он им расскажет, как лезет к чужим жёнам!

Со стороны дальнего столика раздался короткий женский смешок. Адриан повернул голову.

В углу сидела женщина в чёрном пальто. Тёмные волосы лежали на плечах, свет лампы освещал бледное лицо и чуть приоткрытые губы. Она наблюдала за мужчиной у стены с нескрываемым удовольствием.

Их взгляды встретились. Улыбка застыла на её лице. Женщина выпрямилась, внимательно разглядывая Адриана, затем медленно улыбнулась снова. Его охватила злость.

— Вам смешно?

— Особенно понравилось про детей.

Голос был молодой, ясный. Она произнесла это достаточно громко, чтобы Адриан услышал её через несколько столов.

— Человеку разбили лицо.

— Да, я видела. Вы очень вовремя вмешались.

Она окинула его взглядом — от сбившегося воротника футболки до руки, которой он удерживал нападающего за плечо, — и усмехнулась.

— Адриан, я его держу, — сказал хозяин. — Посмотри лучше, что с твоим приятелем.

Мужчина у стены продолжал ругаться, но сопротивление ослабло. Макс и Адриан оставили его хозяину и вернулись к Фредерику.

Оскар уже помог тому сесть. На столе лежали смятые бумажные салфетки с кровавыми пятнами. Адриан присел рядом.

— Голова кружится?

— Губу рассёк. И зуб, кажется, шатается.

Фредерик осторожно коснулся челюсти и поморщился.

— Надо, чтобы тебя осмотрели.

Макс подал ему чистую салфетку.

— Кто мог сказать, что ты здесь над ним смеёшься? Мы о нём всего пару слов перекинулись.

— Понятия не имею.

Адриан оглянулся на дальний столик, но женщина уже шла к выходу. У двери она обернулась и снова нашла его глазами. Теперь он отчётливо видел её лицо: спокойное, красивое, с довольной улыбкой, от которой хотелось потребовать объяснений. Она вышла на улицу.

— Ты знаешь ту женщину в чёрном пальто, которая только что вышла? — спросил Адриан у Макса.

Макс посмотрел на дверь.

— Я за Фредериком следил. Что она сказала?

— Ничего хорошего.

У стены хозяин велел мужчине опустить руки. Тот снова повысил голос, требуя, чтобы Фредерик посмотрел ему в лицо. Адриан поднялся и повернулся к ним.

Глава 3

К приезду полиции Фредерик сидел у окна, прижимая салфетку к разбитой губе. Его противник устроился возле стойки. Хозяин оставался рядом, наблюдая за каждым его движением.

Полицейские выслушали хозяина и подошли к участникам драки.

— Он ударил первым, — сказал Фредерик. — Здесь все видели.

— Из-за чего возник конфликт?

— Из-за моей жены! — отозвался мужчина у стойки. — Днём я застал его у себя дома, а вечером он уже здесь над нами ржёт!

Фредерик поморщился.

— Мы смотрели скачки. Никто над тобой не смеялся.

— Я видел вас через окно!

— Смех ещё не значит, что речь о тебе, — вмешался Адриан.

Мужчина подался вперёд.

— Мне сказали, он здесь всем рассказывает, как она прятала его, пока я открывал дверь, и как он потом выбирался.

— Кто сказал? — спросил Адриан.

— Какая разница? Я пришёл и сам всё увидел.

— Ты увидел нас за столом. От кого ты услышал остальное?

Мужчина раздражённо провёл ладонью по лицу.

— Отстань от меня, отец. Лучше спроси у своего приятеля, какого хрена он забыл в моей спальне.

Полицейский вернул его к вопросам о драке. Адриан отошёл к Фредерику.

Губа у того распухла. Он осторожно проверял языком зубы, морщась от боли. Макс заказал такси, чтобы отвезти его на осмотр.

— Надо же было так вляпаться, — проговорил Фредерик.

— Рано или поздно это должно было случиться, — ответил Макс.

— Ты сейчас очень помогаешь.

— Я еду с тобой к врачу. Нравоучения входят в стоимость.

Фредерик устало усмехнулся и тут же прижал салфетку плотнее.

Когда полицейские закончили задавать Адриану вопросы, друзья уже собирались уходить. Макс забрал куртку Фредерика со спинки стула.

— Позвоню, когда узнаем, что с ним.

— Буду ждать.

За ними вышли полицейские с нападавшим. Тот остановился на пороге и бросил через плечо:

— А ты подумай, отец, с кем за одним столом сидишь.

Дверь закрылась. В пабе заговорили громче; посетители пересказывали друг другу то, что только что видели сами.

Хозяин собирал со стола окровавленные салфетки.

— Женщина у дальней стены часто сюда приходит? — спросил Адриан.

— Какая женщина?

— Там во время драки сидела темноволосая женщина в чёрном пальто.

Хозяин посмотрел на указанный стол.

— Он весь вечер пустовал.

Адриан отчётливо помнил её лицо под лампой, улыбку и то, как внимательно она рассматривала его после первого вопроса.

— Я с ней разговаривал.

— Во время драки я мог пропустить кого угодно. Но заказов за тем столом сегодня не было.

Хозяин подхватил пустые бокалы.

— Она тебе что-то сказала?

— Посмеялась над происходящим.

— Нашла развлечение.

Адриан забрал шлем и куртку. Мотоцикл остался возле паба; домой он пошёл пешком.

По дороге позвонил Макс. Они добрались до больницы и ждали осмотра. Фредерик на заднем плане возмущался, что завтра придётся отменить встречу. Судя по голосу, он уже понемногу приходил в себя.

Адриан пожелал им поскорее освободиться и убрал телефон.

В памяти снова прозвучал голос Оскара: женщина смеялась, будто рассказывала что-то забавное.

* * *

Тем вечером Мора узнала имя священника в пабе.

До этого её занимал Фредерик. Он жаловался на внезапное возвращение мужа с таким возмущением, будто тот нарушил предварительную договорённость. Подругу винил в нерасторопности. Приятели поддразнивали его, и пережитый страх постепенно превращался в историю, которую можно было рассказывать за пивом. Мора решила продолжить её.

Мужа она нашла возле дома. Он ходил вдоль ограды, сжимая телефон, и резко отвечал женщине, стоявшей в дверях. Когда та скрылась внутри, Мора приблизилась.

— А он сейчас в пабе, — прошептала она у самого уха. — Сидит с друзьями и рассказывает, как твоя жена его прятала.

Мужчина остановился. Мора обошла его и заглянула в лицо; он тяжело дышал, глядя перед собой.

— Ты здесь с ней разбираешься, а они над тобой смеются. Сходи послушай, о чём говорят за столом у окна.

Он сунул телефон в карман и пошёл к центру. Мора следовала рядом.

Возле паба он заглянул в окно. За столом смеялись, и Мора наклонилась к его плечу.

— Вот так же они смеялись, когда говорили о твоей жене.

Он толкнул дверь. Мора вошла следом, оставаясь невидимой, и заняла место у дальней стены.

Первый удар оказался удачным: из разбитой губы Фредерика текла кровь. Мора с удовольствием слушала, как муж кричит о семье, а когда тот вспомнил о детях, рассмеялась.

Высокий мужчина в тёмной футболке повернул голову.

— Вам смешно?

Он смотрел прямо на неё. Мора ответила и по его возмущению поняла, что он слышит каждое её слово.

Позже, уже у двери, она обернулась ещё раз. Адриан снова следил за ней. Теперь ей хотелось выяснить, как много он способен увидеть.

Глава 4

Утром Адриан забрал мотоцикл от паба, поставил в гараж и отправился в церковь.

После разговора с прихожанином он задержался возле первой скамьи. К нему подошла пожилая женщина с хозяйственной сумкой.

— Отец, можно вас на минуту?

— Конечно.

— Доброе утро, Адриан.

Рядом с прихожанкой стояла женщина из паба — в том же чёрном пальто, с тёмными волосами и внимательными глазами. Адриан узнал её сразу.

— Я хотела спросить насчёт воскресенья, — начала прихожанка. — Во сколько мне лучше прийти?

— После утренней службы.

— Как ваш приятель? — спросила незнакомка. — Зубы целы?

Адриан задержал на ней взгляд.

— Я принесу всё с собой, — продолжала пожилая женщина. — Тогда сразу и решим.

— Простите, вы вместе пришли?

— С кем?

Он указал на женщину в пальто. Прихожанка оглянулась на проход.

— Я одна, отец. Хотела успеть до магазина.

Адриан проследил за её взглядом. Незнакомка стояла в шаге от неё, и свет из окна падал на обеих. У него пересохло во рту.

— Простите. До воскресенья.

Женщина кивнула и пошла к выходу. Адриан дождался, пока закроется дверь, и взялся за край скамьи.

Незнакомка разглядывала его с явным интересом.

— Вы собирались нас познакомить?

— Почему она вас не видит?

— А как давно вы замечаете то, чего остальные не видят?

— До вчерашнего вечера со мной такого не происходило.

Произнести это вслух оказалось неприятно. Он выпрямился, всё ещё держась за скамью.

— Вам доставляло удовольствие смотреть, как избивают человека.

— Да.

Адриан всмотрелся в её лицо. Она ответила спокойно, будто он спросил о погоде.

— Зачем вы пришли сюда?

— Проверить, узнаете ли вы меня при дневном свете.

Она прошлась вдоль первой скамьи. Каблуки отчётливо стучали по каменному полу.

— Кто вы?

Незнакомка повернулась к проходу. Он ухватил её за предплечье.

— Подождите.

Она резко потянула руку к себе. Адриан удержал её, почти не усилив хватку. Она перестала улыбаться и посмотрела на его пальцы.

— Отпустите.

Он разжал пальцы. Незнакомка отступила, потирая предплечье через рукав.

— Как вас зовут?

— Мора.

— Я хочу понять, что здесь происходит.

Она снова улыбнулась, теперь осторожнее.

— Я пришла из-за вас. Вчера вы обратились ко мне, а сегодня схватили за руку. Хочу понять, как у вас это получается. И больше так не делайте.

Она произнесла это резко. Адриан впервые заметил в её голосе что-то, кроме насмешки.

— Прихожане тоже получают ответы только после того, как вы их схватите?

— Вы слышали наш разговор в пабе до драки? Тому мужчине кто-то сказал, будто Фредерик над ним смеётся.

— Ваш приятель действительно смеялся, пока в дверь не вошёл муж.

— Вы с ним знакомы?

— Вы собираетесь расспросить меня обо всём городе?

Она направилась к выходу. Он проводил её до последней скамьи.

— Мора, если хотите что-то узнать обо мне, в следующий раз начните с правды о себе.

— Требовательный вы человек, отец Адриан.

Она открыла дверь. Дневной свет обозначил пряди тёмных волос, край щеки, пальцы на потёртой латунной ручке.

— Тогда в следующий раз постарайтесь обойтись без рук.

Мора спустилась по ступеням. Адриан остался у двери, прислушиваясь к обычным уличным звукам. Где-то заводилась машина, прохожие разговаривали возле ограды. Он вернулся в ризницу.

Он успел достать из шкафа книгу, когда из церкви донёсся мужской голос.

— Господи, скажи мне, за что. Я ведь каждый день тебя прошу.

Адриан положил книгу на стол и подошёл к открытой двери.

Оскар стоял на коленях перед первой скамьёй. Пальто собралось складками у поясницы, воротник загнулся внутрь. Он сжимал мочку уха и смотрел на распятие.

— Если я провинился, скажи чем. Я исправлю. Только пусть она оставит меня в покое. Я уже боюсь выходить к людям.

Последние слова он произнёс почти шёпотом, затем снова заговорил громче:

— Она и дома достаёт. Лягу — она рядом. Закрою уши — всё равно слышно. Господи, забери эту демоницу. Я устал.

Адриан вышел из ризницы.

Оскар растирал ухо ладонью. Кожа покраснела, на мочке осталась полоска от ногтя.

— Оскар.

Тот вздрогнул и обернулся.

— Отец… Я думал, вы ушли.

— Я услышал тебя из ризницы. Поднимайся, поговорим.

Оскар ухватился за край скамьи и с трудом встал. Когда он сел, Адриан устроился рядом, оставив между ними немного места.

— Ты говорил о женском голосе?

Пальцы Оскара нашли большую пуговицу на пальто.

— Вы тоже скажете, что мне надо отдохнуть?

— Сначала я хочу тебя выслушать.

— Я пытаюсь отдыхать, ложусь пораньше. Даже в паб иногда иду, чтобы вокруг разговаривали: там хоть можно слушать других.

Он крутил пуговицу, натягивая нитки.

— А она всё равно лезет. Видишь человека — и начинается: про него, про жену, про детей. Такие вещи говорит, что потом стыдно ему в глаза смотреть.

— Ты видишь ту, которая говорит?

— Только слышу. Обернусь — люди идут, кто-то сумку несёт, кто-то с собакой. А она прямо возле уха. Иногда смеётся.

Адриан вспомнил довольное лицо женщины у дальнего столика, когда мужчина кричал о своих детях.

— Вчера в пабе ты сказал про машину у мотеля. Эти слова тоже от неё?

Оскар сильнее потянул пуговицу.

— Она говорила, что можно сказать, будто видел, хотя ничего не видел. Пусть жена потом сама разбирается. Несколько раз повторила.

— Почему ты рассказал об этом за столом?

Оскар прижал ладонь ко лбу.

— Потому что оно остаётся здесь, крутится и крутится. Я пытаюсь о другом думать, а она снова: «Скажи ему. Скажи вслух, чего молчишь». Пока не скажу, покоя нет. А скажешь — иногда замолкает.

Он посмотрел на Адриана с мучительным ожиданием.

— Я понимаю, как это выглядит. Сидят люди, никого не трогают, а я вдруг ляпну гадость. Потом меня гонят, говорят, что у меня с головой плохо. А я уже сам не знаю, что у меня с головой.

Он дёрнул пуговицу. Одна из ниток лопнула, и пуговица повисла боком. Оскар прижал её к ткани, будто ещё можно было вернуть на место.

— Она иногда врёт, — продолжил он. — Потом сама же смеётся, а я уже сказал, человек услышал.

— И ты веришь ей в следующий раз?

— Я хочу, чтобы она заткнулась!

Голос ударился о своды. Оскар согнулся, зажав ухо ладонью.

— Простите. Я в церкви… Простите меня.

— Я тебя слышу, Оскар. Продолжай.

Тот несколько раз сглотнул.

— Я прошу её уйти, а она начинает передразнивать теми же словами. Как маленькие дети делают, когда хотят довести. Только дети устанут и пойдут домой, а она может часами.

— Почему ты называешь её демоницей?

Оскар поднял голову.

— А как её назвать? Ей хорошо, когда мне плохо, когда кому-то из-за меня плохо. Она радуется.

Он попытался застегнуть пальто, но пуговица выскользнула из пальцев.

— Пусть она хоть ночью замолчит, отец. Я хочу просто лечь и уснуть.

— Сейчас ты её слышишь?

Оскар прислушался.

— Сейчас только вас.

— Тебе куда-нибудь нужно идти?

— Домой всё равно страшно.

Адриан подвинулся, освобождая ему больше места на скамье.

— Останься. Я буду рядом, в ризнице.

Оскар поймал его за рукав.

— Вы мне верите?

Адриан посмотрел на его покрасневшее ухо, на пальцы, судорожно сжавшие ткань.

— Я верю, что ты измучен. И к тому, что ты рассказал, я отношусь серьёзно.

Хватка ослабла.

— Только не говорите ей про меня, — попросил Оскар. — Если услышите её, не говорите, что я жаловался.

— Она угрожала тебе?

— Она всегда знает, чем сделать хуже.

— Я схожу за хлебом, — сказал Адриан. — Булочная через дорогу. Побудь здесь, я скоро вернусь.

Оскар кивнул и откинулся на спинку скамьи, придерживая ладонью повисшую пуговицу.

Глава 5

Над дверью булочной звякнул колокольчик. Адриана встретили тепло и запах свежей выпечки. За прилавком продавщица раскладывала на противне булочки с корицей.

— Доброе утро, отец. Что вам сегодня?

— Хлеб и две булочки, пожалуйста.

Она раскрыла бумажный пакет.

— Эти только из печи. Ещё горячие.

— Спасибо.

— Ты посмотри, какой мужчина. А ты ему булочки считаешь.

Адриан резко поднял голову.

Мора стояла рядом с продавщицей, чуть позади неё. Он только что смотрел туда — на полки, на противни, на белый фартук женщины. Теперь возле её плеча было лицо Моры.

Он оглянулся на входную дверь.

— Что-то забыли? — спросила продавщица.

— Нет. Простите.

Мора наклонилась к её уху.

— Посмотри на плечи. Представляешь, как он выглядит без этой рубашки?

Продавщица задержала на Адриане взгляд, затем опустила глаза к пакету. Уголки её рта дрогнули.

Он упёрся ладонью в край прилавка.

Мора улыбнулась, заметив его растерянность, и снова заговорила, обращаясь к продавщице:

— Тело у него, наверное, как у греческого бога, и член огромный. Но этот красавец решил, что женщины без него обойдутся. Теперь только перед зеркалом в душе и любуется собой.

Лицо Адриана обдало жаром.

Продавщица неловко сжала щипцы. Булочка выскользнула, упала обратно на противень.

— Вот растяпа, — пробормотала она.

— Вы слышали? — вырвалось у него.

Продавщица подняла глаза.

— Что именно?

Мора следила за ним с нескрываемым интересом.

Адриан чувствовал, как сильно бьётся сердце. Ему хотелось, чтобы продавщица обернулась, возмутилась, рассмеялась, потребовала от Моры выйти — хоть как-нибудь показала, что слышит её тоже.

— Женский голос, — произнёс он. — Здесь, рядом с вами.

Продавщица огляделась.

— Отец, здесь только мы.

Мысль о том, что он сходит с ума, напугала сильнее самой Моры. Оскар тоже слышал голос близко и отчётливо, тоже пытался добиться от окружающих простого подтверждения.

— С вами всё хорошо? — спросила продавщица.

— Да. Давайте я заплачу.

Он достал деньги, стараясь сосредоточиться на цифрах возле кассы.

Мора снова наклонилась к женщине.

— Предложи ему зайти после закрытия. У тебя ведь найдётся чем угостить такого гостя.

— Довольно!

Продавщица отшатнулась.

— Простите, — торопливо сказал он. — Я…

Объяснение требовало снова указать на женщину, которую видел только он.

Продавщица положила пакет на прилавок.

— Может, вам присесть? Я принесу воды.

Теперь она смотрела на него настороженно.

— Спасибо. Мне нужно вернуться в церковь. И простите, что повысил голос.

Он протянул купюру. Женщина отсчитала сдачу и придвинула монеты к его руке.

Мора прошла вдоль прилавка. Адриан следил за ней краем глаза, и продавщица обернулась в ту же сторону.

Он забрал покупку.

На улице прохладный воздух коснулся разгорячённого лица. Адриан остановился у витрины, сжимая пакет. Сквозь бумагу к пальцам пробивалось тепло хлеба.

— Вы её напугали.

Мора стояла рядом.

Он повернулся на голос и тут же посмотрел через стекло. Продавщица всё ещё наблюдала за ним из-за прилавка.

— Что со мной происходит? — спросил он почти беззвучно.

Мора приблизилась.

— А вы как думаете?

Адриан развернулся к дороге. За ней возвышалась церковь, где его ждал Оскар.

Он перешёл улицу, толкнул церковную дверь и поспешил к Оскару, сминая в руке бумажный пакет.

Оскар сидел боком к проходу, прижимая ладонь к уху. При виде священника он опустил руку.

— Я думал, вы забыли.

— Держи. Поешь, потом я провожу тебя домой.

Оскар заглянул в пакет.

— А вы?

— Мне нужно немного побыть у алтаря.

Он опустился на колени и сцепил руки.

— Господи, я слышу то, чего не должен слышать, и вижу то, чего не должен видеть. Помоги мне понять, что со мной происходит.

Собственный голос показался слишком громким. Адриан склонил голову.

Он начал читать знакомую молитву. На середине вспомнил улыбку Моры и потерял следующую строку.

Адриан крепче сжал пальцы и начал заново, медленно, вслушиваясь в слова.

Позади шуршала бумага. Оскар ел булочку.

Когда Адриан поднялся, колени ныли. Он постоял, держась за край скамьи, затем вернулся к Оскару.

— Пойдём.

На улице Оскар убрал оставшуюся булочку в карман пальто. Они пересекли площадь. Проходя мимо булочной, Адриан увидел через стекло продавщицу: та складывала выпечку на поднос.

Оскар держался рядом, изредка потирая покрасневшее ухо.

— Сейчас тихо? — спросил Адриан.

— С тех пор, как вы вернулись.

— А раньше надолго замолкала?

Оскар обдумал вопрос.

— По-разному. Иногда я даже успеваю поверить, что всё закончилось. Начинаю готовить, включаю телевизор. А потом она скажет что-нибудь — и я опять весь день слушаю.

— Ты говорил об этом кому-нибудь, кроме меня?

— Говорил, а потом эти люди стали разговаривать со мной очень громко и медленно, будто я заодно разучился понимать слова.

Адриан почувствовал, как неприятно стянуло горло.

— Я тебя слышу, Оскар.

— Тогда завтра можно прийти?

— Приходи, когда захочешь посидеть в церкви.

У своего дома Оскар долго выбирал ключ, прежде чем открыть дверь.

— Булочку съешь сегодня. Завтра зачерствеет.

— Знаю. Я берегу её к чаю.

Дождавшись, пока Оскар войдёт, Адриан пошёл домой.

Глава 6

В прихожей он снял куртку. На кухне налил воды и выпил стоя возле раковины. Нужно было поесть самому, но от мысли о булочной свело желудок.

Он переоделся в джинсы и серую футболку, прошёл в гараж и поднял ворота. Дневной свет лёг на переднее колесо мотоцикла, выхватил пыль на полках.

Нижний ящик верстака давно заедал. Адриан вынул его, поставил на пол и, присев перед верстаком, принялся закреплять отвёрткой отошедшую направляющую.

— Вот где ты прячешься.

Он резко обернулся: Мора стояла у открытых ворот.

Поднимаясь, Адриан задел плечом край верстака. Боль прошла по руке.

— Как ты меня нашла?

— У тебя маленький город, Адриан. Здесь даже чужую жену трудно спрятать.

Она вошла в гараж. Длинное чёрное пальто было перехвачено поясом, тёмные волосы свободно лежали на плечах. При дневном свете она казалась моложе, чем в пабе, — лет тридцати. Большие, почти чёрные глаза внимательно следили за ним.

Адриан положил отвёртку на верстак.

— Ты пришла закончить то, что устроила в булочной?

— Там нам мешал прилавок. Здесь гораздо удобнее.

Мора потянула за конец пояса. Узел распустился, полы пальто разошлись.

Его взгляд скользнул вниз.

Под пальто было чёрное бельё: кружево по краю высокой полной груди, пояс на узкой талии, тонкие крепления чулок. Широкие бёдра придавали её фигуре мягкую, тяжёлую плавность. Когда она перенесла вес на одну ногу, ткань пальто сдвинулась, открыв округлый изгиб бедра.

Адриан поднял глаза к её лицу, к высоким скулам и полным губам. Мора поймала его взгляд и улыбнулась откровеннее.

Он отвернулся и уставился в стену над верстаком.

— Застегни пальто.

— Ну что, святой отец, нравлюсь? Или ты так старательно отдал себя Богу, что женщинам совсем ничего не осталось?

От её голоса здесь, среди инструментов и запаха машинного масла, становилось особенно неуютно: она добралась до его дома и стояла в нескольких шагах. Адриан слышал, как каблук царапнул бетон.

Он обернулся.

— Оскар тоже слышит тебя.

Мора приподняла брови.

— Ты проводил его домой? Как заботливо.

— Он боится оставаться один. Трёт уши до крови, лишь бы ты замолчала.

— Сегодня ты слушал его гораздо внимательнее, правда?

Адриан шагнул к ней.

— Оставь его в покое.

— Ты всегда так быстро переходишь к просьбам? — Мора чуть улыбнулась. — Смотреть у тебя получается лучше.

— Это требование.

— Как скучно ты умеешь говорить с красивой женщиной.

— Он человек, Мора. Он пришёл в церковь и спрашивал, чем заслужил всё это.

— И что ты ему ответил?

Адриан вспомнил, как Оскар спрашивал, верят ли ему.

Она подошла ближе, оставляя пальто распахнутым. Адриан старательно смотрел ей в лицо.

— Ты можешь смотреть. Я ведь для этого и пришла.

— Ты пришла посмотреть, как я буду выкручиваться.

— Пока мне нравится.

Её пальцы коснулись его груди поверх футболки. Адриан перехватил запястье.

Мора опустила глаза на его руку и повернула кисть, проверяя хватку.

— Ты очень крепко держишь женщину, от которой только что отворачивался.

Адриан отпустил её и отступил к верстаку.

— Застегни пальто и уходи.

— Тебе станет легче?

— Я хочу остаться один.

Мора медленно свела полы пальто, затянула пояс и разгладила воротник.

Теперь перед ним стояла одетая женщина с тем же красивым лицом и спокойным взглядом. Адриан с раздражением понял, насколько мало изменилось.

Она подошла к воротам и задержалась на пороге.

— В следующий раз, когда будешь смотреть на меня, попробуй хотя бы получить от этого удовольствие. У тебя такой вид, будто за каждую секунду придётся отчитываться.

— За то, что я делаю, отвечаю я.

Мора улыбнулась.

— Вот это мне уже нравится.

Она вышла на улицу.

Адриан дошёл до ворот. Пальто мелькнуло за углом соседнего дома, каблуки ещё несколько раз стукнули по тротуару.

Он опустил ворота и вернулся к верстаку.

На бетоне лежал снятый ящик. Адриан поднял его, совместил направляющие. Пришлось поправить правую сторону: пальцы дрожали, и металл никак не попадал в паз.

Наконец ящик встал на место и легко задвинулся.

Адриан упёрся ладонями в верстак, опустил голову. В памяти снова возникло лицо Моры — её внимательные глаза в ту секунду, когда он держал её за руку.

* * *

За углом Мора замедлила шаг.

Ей нравилось вспоминать, как Адриан смотрел на неё. Сначала опустил глаза, задержался на кружеве — и только потом вспомнил, что следует отвернуться. За это короткое промедление она охотно простила ему грубость.

Теперь хотелось выяснить, сколько времени ему понадобится, чтобы самому потянуться к ней, и что он скажет после. Станет просить прощения у своего Бога? Возненавидит её? Попробует убедить себя, что виновата исключительно она?

Мора усмехнулась. Обвинения её вполне устраивали. Особенно те, за которыми следовали новые встречи.

«Насколько тебя хватит, святой отец?»

Однако воспоминание о его руке испортило удовольствие.

Мора провела большим пальцем по запястью. Адриан удержал её так же уверенно, как утром в церкви.

Он сам, судя по его вопросам, ничего не понимал. Мору раздражало, что теперь объяснение приходится искать ей самой.

Она поправила пояс пальто и пошла дальше. Завтра стоило встретиться снова.

Глава 7

На следующий день Адриан зашёл в книжный после утренних дел в церкви. Заказ должен был прийти ещё на прошлой неделе; хозяин обещал отложить для него экземпляр.

Над дверью звякнул колокольчик.

— Доброе утро. Моя книга приехала?

Продавец поднял голову от раскрытой коробки.

— По истории города? Да, наконец-то. Сейчас найду, куда положил.

Адриан остановился у прилавка. Здесь пахло картоном и свежей бумагой. На столе возле окна лежали новинки, вдоль стены тянулись узкие деревянные стеллажи. Из-за одного донёсся шелест переворачиваемой страницы.

Мора стояла у полки с романами. На ней были тёмные брюки и светлый джемпер под расстёгнутым пальто. Волосы спадали вперёд, почти закрывая щёку. Она придерживала раскрытую книгу ладонью и читала, слегка хмурясь.

Адриан почувствовал, как напряглись мышцы шеи.

Продавец присел за прилавком, перебирая стопки книг.

— Доброе утро, отец Адриан, — произнесла Мора, поднимая глаза от книги.

Он подошёл к ней.

— Ты знала, что я сюда приду?

— Я выбираю книгу.

— Вчера ты выбирала мой гараж.

Она заложила страницу пальцем.

— И ты довольно ясно дал понять, что пора уходить. Здесь тоже будешь меня выгонять?

— Мне нужны ответы, — понизил голос Адриан. — Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Мора посмотрела ему через плечо.

— Мора, вам продолжение так и не заказать? — спросил продавец. — Поставщику сегодня отправляю заявку.

— Закажите. Только в таком же издании, чтобы книги на полке совпадали по высоте.

— Разумеется.

Адриан обернулся. Её видели, и на несколько секунд ему стало легче дышать.

Мора наблюдала за ним поверх раскрытых страниц.

— Вы знакомы? — спросил он у продавца.

— С Морой? Заходила несколько раз. У нас с ней небольшие разногласия насчёт хороших концовок.

— Вы обещали мне сильную историю, — отозвалась она. — А там все друг друга простили и собрались за одним столом. После всего, что натворили, им бы держаться подальше.

Продавец рассмеялся.

— Вот поэтому я и сомневаюсь, стоит ли вам советовать вторую часть.

— Поздно. Мне уже интересно, кого они простят на этот раз.

— Отец Адриан? — Продавец протягивал ему заказ. — Вот она. Посмотрите, всё ли верно.

— Спасибо.

Адриан взял книгу. На обложке была старая фотография площади, которую он пересекал каждый день. Он узнавал фасад церкви, фонтан, угловой дом.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил продавец.

— Плохо спал.

— Тогда советую начать со снимков. Автор обстоятельный, первые главы потребуют терпения.

Адриан раскрыл книгу, проверил несколько страниц и положил её на прилавок.

Мора подошла следом.

— Эту я тоже возьму.

Она протянула выбранный роман. Продавец принял его из её рук, развернул к себе штрихкод. Мора расплатилась и убрала книгу в сумку.

Адриан достал кошелёк. Пока продавец отсчитывал ему сдачу, Мора отошла к столу с новинками.

Адриан наклонился ближе к прилавку.

— Когда она приходила к вам впервые?

Продавец задумался.

— На днях. Точно не скажу. А что?

Адриан забрал книгу, чек и сдачу.

— Спасибо. До свидания.

Мора придержала ему дверь. Колокольчик звякнул у них над головами.

На тротуаре он остановился, повернувшись к ней. Через витрину был виден продавец, разрезавший скотч на следующей коробке.

— Ты сама решаешь, кто тебя увидит? — спросил Адриан.

Мора приблизилась настолько, что ему пришлось опустить голову, чтобы видеть её глаза.

— Ты мне обрадовался, Адриан. Когда он назвал меня по имени.

Он вспомнил облегчение у прилавка. Прошло всего несколько минут, а ему уже хотелось вернуть это чувство.

Адриан шагнул ближе, собираясь задать ещё один вопрос. Через стекло на них посмотрел продавец. Мора заметила его взгляд.

— Осторожнее, отец, — тихо сказала она. — Сегодня нас видят.

Адриан оглянулся на витрину. Мора пошла по тротуару. Возле соседней витрины ей пришлось обойти мужчину с коробками; тот посторонился, пропуская её.

Глава 8

Мора свернула к церкви.

Оскар сидел на низком бортике клумбы возле бокового входа. Пальто распахнулось на коленях, из кармана торчал смятый бумажный пакет. Он перекатывал между ладонями камень, подобранный у края цветника.

Приблизившись к ограде, Мора скрылась от чужих глаз. Оскар поднял голову, посмотрел вдоль улицы и снова уставился себе под ноги.

На противоположной стороне площади появился Луи. Он шёл к церкви, придерживая под мышкой папку. У ступеней задержался, осмотрел объявление на двери.

Мора приблизилась к Оскару и наклонилась к его уху.

— Видишь его? Пришёл поговорить о тебе.

Камень замер в ладонях.

— Опять, — выдохнул Оскар. — Пожалуйста, хоть сегодня.

— Ему не нравится, что ты здесь сидишь. Говорит, от тебя пахнет. Люди жалуются, боятся приводить детей. Хочет, чтобы Адриан перестал тебя пускать.

Оскар повернул голову к Луи.

Мора проследила за его взглядом. Луи оторвался от объявления и заметил человека у клумбы.

— Отец Адриан сам разрешил мне приходить, — громко произнёс Оскар.

Луи нахмурился.

— Я тебя о чём-то спрашивал?

— Разрешил. Вчера сказал.

— Ну и сиди.

Луи взялся за дверную ручку.

Мора устроилась рядом с Оскаром на каменном бортике. Он поднял плечо, словно пытался прикрыть ухо от её дыхания.

— Торопится, — сказала она. — Сейчас войдёт и всё объяснит. Расскажет, какой ты грязный, как пугаешь людей. Вчера тебя накормили, завтра попросят держаться подальше.

— Он обещал.

Луи снова обернулся.

— Что ты там бормочешь?

Оскар поднялся. Камень остался в правой руке.

— Я вам ничего плохого не сделал.

— А я тебе что сделал?

Мора улыбнулась. Луи отвечал всё громче. По тому, как он остановился у дверей, развернув плечи к Оскару, Мора поняла: уходить он уже не собирается.

— Спроси, кто дал ему право распоряжаться, — прошептала она. — Его отец здесь полы мыл, а этот вообразил себя хозяином.

Оскар дёрнул головой.

— Не надо про отца.

Луи отпустил ручку.

— Что ты сказал?

Мора придвинулась к самому уху Оскара.

— Скажи ему. Пусть знает, что ты тоже умеешь отвечать.

— Ваш отец здесь полы мыл, — выпалил Оскар. — А вы теперь решаете, кому можно приходить.

Лицо Луи изменилось.

Мора с удовольствием наблюдала, как он прижал папку к боку и медленно спустился со ступеней.

— Мой отец тридцать лет заботился об этой церкви. Каждую доску здесь своими руками…

— Вот видишь, — заговорила она поверх его слов. — Уже объясняет, кому всё принадлежит.

Оскар растёр ухо свободной ладонью.

— Я просто хочу посидеть внутри.

— Так сиди! Кто тебя трогает? Зачем ты моего отца приплетаешь?

У ограды остановилась женщина с пакетом продуктов. Мора заметила её любопытство, затем мужчину, замедлившего шаг возле перехода. Публика собиралась понемногу.

Оскар попятился к клумбе. Луи подошёл вплотную.

— Посмотри на меня, когда с тобой разговаривают. — Он схватил Оскара за отворот пальто.

Мора поднялась.

— Сейчас ударит. А потом скажет, что ты набросился первым.

Оскар свободной рукой вцепился в его пальцы.

— Отпустите.

— Сначала объясни, с какой стати…

— Отпустите меня!

Луи встряхнул его. Папка выскользнула из-под мышки, бумаги рассыпались по плитке.

— Успокойся ты!

Мора стояла совсем близко. Оскар смотрел на Луи, но отвечал то ему, то Море. Его губы шевелились, повторяя обрывки услышанного.

— Ты же хотел, чтобы я замолчала, — тихо сказала она. — Заставь его отпустить тебя. Сделай это, Оскар, и я оставлю тебя в покое.

Оскар перестал тянуть Луи за пальцы и замер, чуть повернув голову на её голос.

— Обещаешь?

Луи скривился.

— С кем ты, чёрт возьми…

Оскар ударил его камнем по голове.

Луи выпустил пальто и пошатнулся. Его колени подогнулись, плечо задело бортик клумбы. Он упал на бок возле рассыпанных бумаг.

Женщина у ограды закричала.

Оскар застыл с поднятой рукой. Потом разжал пальцы. Камень стукнулся о плитку и откатился к папке.

Мора посмотрела на Луи. Под его головой темнела кровь; край одного из листов медленно намокал.

Получилось даже лучше, чем она ожидала.

Мужчина с перехода подбежал к Оскару, отвёл его от лежащего и прижал спиной к ограде.

— Стой здесь. Руки опусти!

Оскар подчинился. Его взгляд метался по площади.

— Теперь тихо, — произнёс он. — Вы слышите? Тихо.

Женщина опустилась возле Луи, доставая телефон. На ступени вышли люди.

Мора обошла их, задержалась у лица Оскара. Он смотрел сквозь неё, тяжело дышал, а затем вдруг заплакал — без всхлипов, с открытым ртом.

Она позволила ему насладиться обещанной тишиной.

* * *

После книжного Адриан зашёл домой оставить покупку. На кухне обнаружил, что по-прежнему держит чек в пальцах, хотя книгу уже положил на стол.

«Сегодня нас видят». Мора сказала это с такой уверенностью, будто речь шла о самой обычной вещи.

Адриан вышел из дома и направился к церкви. Уже на подходе к площади он услышал возбуждённые голоса. Возле бокового входа собрались люди; кто-то стоял на ступенях, стараясь разглядеть происходящее поверх чужих плеч. Адриан ускорил шаг.

— Что случилось?

Женщина у ограды повернулась к нему.

— Отец Адриан, там Луи. Оскар его ударил.

Адриан протиснулся между людьми.

Луи лежал возле клумбы. Под голову ему подложили сложенную куртку, на виске была кровь. Рядом стояла на коленях женщина с телефоном у уха и повторяла адрес.

Адриан присел с другой стороны.

— Луи. Ты меня слышишь?

Веки дрогнули. Луи попытался что-то произнести, но получилось только невнятное мычание.

— Помощь едет, — сказала женщина. — Уже выехали.

У ограды стоял Оскар. Мужчина держал его за плечо. Одна пуговица на пальто висела на вытянутой нитке; Оскар крутил её, глядя на лежащего Луи.

— Чем он его ударил?

Мужчина указал на камень возле папки.

Адриан почувствовал тошноту. Ещё вчера Оскар берёг булочку к чаю. Теперь у клумбы лежал камень, которым он мог убить человека.

— Я видел, как он замахнулся, — сказал мужчина. — Его вообще можно одного по улицам отпускать?

— Луи сам его схватил, — возразила женщина с телефоном.

— А перед этим Оскар на Луи орал, — вмешался кто-то со ступеней. — Про отца гадости говорил.

Адриан поднялся.

— Оскар.

Тот сразу посмотрел на него.

— Я хотел прийти. Вы разрешили.

— Я помню. Что здесь произошло?

— Он собирался запретить. — Оскар показал на Луи. — Хотел сказать вам, чтобы меня больше не пускали. Потому что люди боятся. Из-за запаха.

— Да он велел тебе успокоиться, — возмутился мужчина у ограды. — Я сам слышал.

Адриан подошёл ближе.

— Оскар, посмотри на меня. Откуда ты узнал, что Луи собирается это сказать?

Оскар потянул пуговицу. Нитка оборвалась.

— Она сказала.

Адриан ощутил, как напряглись мышцы живота.

— Что ещё она говорила?

— Что он меня ударит. Что мне всё равно никто не поверит. — Оскар сжал оторванную пуговицу в кулаке. — Я просил его отпустить. Правда просил.

— Я слышала, — сказала женщина возле Луи.

Со стороны улицы донеслась сирена. Люди задвигались, освобождая проезд.

Оскар подался к священнику.

— Она обещала замолчать. Отец Адриан, она сказала, что тогда оставит меня в покое.

Адриан смотрел на его мокрое лицо, на красное, растёртое ухо и оторванную пуговицу в кулаке.

— Ты ударил его, чтобы она замолчала?

Оскар судорожно кивнул.

К клумбе поспешили медики. Адриан отступил, пропуская их. Один опустился возле Луи, другой стал расспрашивать женщину.

— Уведите его отсюда, — сердито сказал мужчина, державший Оскара. — Он же опять кинется на кого-нибудь.

— Я побуду с ним, — ответил Адриан.

— Позавчера вы его за свой стол посадили, теперь в церковь пускаете. А завтра что?

Адриан повернулся к нему.

— Сейчас дайте врачам работать. Если видели, что произошло, расскажете полиции.

Он отвёл Оскара к ступеням, подальше от носилок.

Тот сел, ссутулившись. Между пальцами всё ещё была зажата пуговица.

Адриан присел рядом, чтобы видеть его лицо.

— Она сейчас говорит с тобой?

Оскар прислушался.

На площади переговаривались люди. Медик просил отойти от носилок. Женщина подбирала бумаги Луи, складывая их в папку.

— Нет, — ответил Оскар. — Сейчас тихо.

Он произнёс это с таким облегчением, что Адриан опустил взгляд.

В нескольких шагах от них Луи укладывали на носилки.

Полицейская машина остановилась возле скорой. Оскар поднялся со ступени.

— Сядь, — сказал Адриан. — Я побуду рядом.

Из машины вышли двое. Один направился к медикам, второй — к мужчине, который удерживал Оскара у ограды. Тот сразу показал на ступени.

Оскар спрятал кулак с пуговицей в карман.

— Он живой? — спросил он.

Носилки вкатили в машину. Сквозь открытую дверь Адриан видел руку Луи и край одеяла.

— Его везут в больницу.

— Я хотел, чтобы он отпустил.

Полицейский остановился перед ними.

— Вы Оскар?

Тот кивнул.

— Нам нужно разобраться в том, что произошло. Вы поедете с нами.

Оскар повернулся к Адриану.

— Вы же сказали, что я могу приходить.

— Можешь, Оскар. Но сейчас тебе придётся поехать с ними.

— А она со мной поедет?

Полицейский оглянулся на собравшихся.

— Кто?

Оскар потёр ухо.

— Женщина. Она сказала, что тогда замолчит.

Адриан поднялся.

— Вчера он говорил мне, что слышит голос. Сейчас ему нужна помощь врача.

— Вы видели, как он ударил пострадавшего?

— Я пришёл позже.

— Тогда дайте нам поговорить с ним.

Оскар вцепился в рукав Адриана.

— Скажите им, чтобы её туда не пускали. Вы скажите. Они вас послушают.

Адриан смотрел на его пальцы, стянувшие ткань у локтя. Ещё вчера он проводил Оскара домой. Сегодня тот просил защиты от женщины, которая могла стоять среди свидетелей и слушать их разговор.

Адриан оглядел площадь. У ограды две женщины обсуждали кровь на камне. Мужчина, видевший удар, объяснял второму полицейскому, как подбежал к Луи. Дверь скорой захлопнулась.

— Я приеду в отделение сейчас, вслед за вами, — сказал Адриан. — Расскажу, что знаю.

Оскар позволил полицейскому отвести себя к машине. Перед тем как сесть, заглянул внутрь, проверяя заднее сиденье.

Адриан дождался, пока машина отъедет, и повернулся к оставшемуся полицейскому.

— Женщина возле Луи слышала, как Оскар просил его отпустить. Поговорите с ней тоже.

Тот указал на стоявшую у ограды свидетельницу.

— Уже записали её данные.

Со ступеней донеслось:

— Его теперь надолго заберут?

— Надеюсь, — ответил мужской голос. — Хоть ходить спокойно можно будет.

Адриан прошёл между ними к выходу с площади.

Глава 9

Марианна стояла у калитки Жизель, когда по соседней улице проехала скорая. Она проводила её глазами и нажала звонок.

Мора остановилась возле изгороди. Старуху она узнала сразу: та самая, которой за вином так захотелось испортить подруге вечер.

Жизель открыла дверь в домашнем платье. На переносице остались красные следы от очков.

— Заходи. Я как раз собиралась тебе звонить.

Жизель повела Марианну в кухню. Мора прошла следом, оставаясь невидимой.

На столе лежали раскрытый блокнот и телефон. У окна цвела белая герань; несколько сухих листьев осыпались на подоконник. Марианна провела пальцем по одному из листьев.

— Ты как?

— Вчера он приезжал за вещами.

Жизель наполнила чайник.

— Стоял здесь и требовал, чтобы я тебя позвала. Хотел, чтобы ты при нём повторила про мотель.

Марианна опустилась на стул.

— И что ты сказала?

— Что мне хватило одного раза. — Жизель поставила чайник на подставку. — Он ещё меня виноватой выставляет. Говорит, я чужим словам верю больше, чем ему.

Мора остановилась у края стола.

— Жизель, я поэтому и пришла…

— Я детям сегодня расскажу. Пока сказала только, что мы поссорились. А зачем мне его прикрывать?

Марианна прижала ладонь к животу.

— Может, пока подождёшь?

— Чего? — Жизель обернулась.

Мора наклонилась к уху Марианны.

— Давай. Расскажи, как ты всё придумала. Пусть узнает, какую подругу столько лет поздравляла с днём рождения.

Старуха сглотнула.

— В тот вечер мы выпили. Ты же помнишь.

— Помню. Ты сказала, что узнала машину. Даже спросила, разве у кого-то ещё в городе такая вмятина на двери.

Мора улыбнулась. Про вмятину Марианна добавила сама.

— А потом она позвонит остальным, — прошептала Мора. — Представляешь, как они станут вспоминать, что ты рассказывала про них за своим столом, за вином? Хорошие будут разговоры.

Жизель достала две чашки.

— Ты что-то путаешь? День? Место?

В её голосе появилась надежда. Марианна вскинула голову.

— Я должна кое-что уточнить. Сама я машину не видела.

Жизель застыла с чашкой в руке.

— Что значит — не видела?

— Мне рассказали. А я сказала так, будто сама… В общем, пересказала.

Чашка стукнула о стол.

— Ты сидела у себя дома и врала мне в лицо?

— Я поверила человеку.

— Кому?

Марианна провела языком по пересохшим губам.

Мора приблизилась ещё немного.

— Оскару. Он ведь всем что-нибудь говорит. Ещё одна гадость — кто станет разбираться?

— Оскару, — произнесла Марианна.

— Оскару? — Жизель медленно села напротив.

— Он заговорил со мной на улице. Я сперва хотела пройти, а он назвал твоего мужа. Сказал про мотель.

— И ты решила, что этому можно верить?

— Он знает вещи, которые ему никто не рассказывал. Все замечали.

Жизель закрыла блокнот.

— Ты понимаешь, что я выставила мужа из дома из-за слов Оскара?

— Я пришла тебе всё объяснить.

— Я его позавчера выгнала, Марианна.

Закипел чайник. Жизель поднялась и выдернула вилку из розетки.

Мора обошла стол. Теперь ей было хорошо видно лицо Марианны: нижняя губа дрожала, глаза следили за каждым движением хозяйки.

— Скажи, что хотела ей добра, — подсказала Мора. — Это вы любите.

— Я думала, ты должна знать, — сказала Марианна. — Если бы оказалось правдой, а я промолчала…

— Ты могла сказать, от кого услышала.

— Ты бы отмахнулась.

— Конечно, отмахнулась бы!

Марианна вздрогнула.

Жизель взяла телефон и набрала номер.

— Это я. Мне нужно с тобой поговорить. Помнишь, что Марианна сказала у себя за лото? Так вот, теперь выясняется, что она ничего не видела. Ей Оскар рассказал.

Мора наблюдала, как старуха вжимается в спинку стула. Та уже открыла рот, когда Жизель вдруг переспросила:

— Подожди. Кого он ударил?

Марианна подалась вперёд.

— Что случилось?

Жизель подняла ладонь, требуя тишины.

— У церкви?.. Луи? Господи. Сильно?

Мора посмотрела на часы над плитой. Быстро же новость добралась до Жизель.

Жизель закончила разговор.

— Только что у церкви Оскар ударил Луи камнем по голове. Луи увезла скорая, а Оскара забрала полиция.

Марианна прижала пальцы ко рту. Несколько секунд они молчали, потом она сказала:

— Вот видишь, в каком он состоянии. Наговорил мне, я поверила…

Жизель отодвинула от неё пустую чашку.

— Иди домой, Марианна. Мне нужно позвонить мужу.

Старуха тяжело поднялась.

— Ты остальным объясни, что я ведь тоже…

— Что ты тоже пострадала?

Марианна запахнула пальто.

Мора проводила её до двери. На крыльце старуха остановилась и несколько раз глубоко вдохнула, держась за перила.

— Ну вот, — ласково сказала ей Мора. — Теперь главное — всем одинаково рассказывать.

* * *

Когда Адриан вернулся из отделения, у церкви его ждала Марианна.

Он провёл больше часа, отвечая на вопросы о поведении Оскара, вчерашнем разговоре в церкви и случившемся на площади. Теперь хотелось добраться до ризницы, сесть и выяснить, куда отвезли Луи.

Марианна преградила ему дорогу.

— Отец, мне нужно с вами поговорить. Наедине.

В церкви она выбрала скамью возле входа. Адриан сел рядом.

— Я была у Жизель. Как вы сказали. — Марианна разгладила пальто на коленях. — Я сказала, что сама машину не видела.

Адриан ждал продолжения.

— Она очень расстроилась. Начала спрашивать, откуда я тогда взяла… Вы понимаете, она собиралась детям звонить. Они столько лет вместе.

— Что вы ей ответили?

— Что мне рассказал Оскар.

Адриан выпрямился.

— Марианна, вы признались мне, что придумали эту историю.

— Да знаю я! — Она испуганно оглянулась на пустой проход и понизила голос. — Я растерялась. Она так на меня смотрела… Я ведь пришла признаться. Честное слово, пришла.

Адриан вспомнил Оскара на заднем сиденье полицейской машины. Тот придерживал ухо ладонью и спрашивал, можно ли закрыть окно.

— И теперь Жизель считает, что он оклеветал её мужа.

— Она уже кому-то позвонила. При мне. А там рассказали про Луи. Всё смешалось.

— Вы успели объяснить, что Оскар здесь ни при чём?

Марианна сжала губы.

— Значит, за вас он теперь тоже отвечает, — сказал Адриан.

— Я же не знала, что он натворил! Когда называла его, ещё не знала.

Адриан поднялся. Марианна ухватила его за рукав.

— Вы только Жизель не рассказывайте о нашей исповеди.

— А ко мне вы зачем пришли? — спросил Адриан.

— Посоветоваться.

— Я уже дал вам совет: сказать правду.

— Легко вам говорить. Вы скажете — и пойдёте дальше. А мне здесь жить. Они все отвернутся от меня.

— Оскару тоже здесь жить, Марианна.

Она отпустила его рукав.

— После сегодняшнего его всё равно заберут в больницу.

Адриан несколько секунд смотрел ей в лицо.

Марианна поправила платок.

— Я не это имела в виду.

Со стороны входа донёсся короткий смешок.

Мора стояла возле чаши со святой водой. Пальто было расстёгнуто, под мышкой она держала купленный утром роман.

— Слышишь, отец? Его всё равно заберут. Как удобно.

Марианна сидела к нему вполоборота, сцепив руки на коленях.

— Я ведь пришла к вам за помощью, отец. Скажите, как мне теперь быть.

Мора стояла в нескольких шагах и рассматривала её с откровенной насмешкой. Марианна продолжала ждать ответа от него. Адриан почувствовал, как под воротником выступает пот.

— Вам нужно вернуться к Жизель, — сказал он.

— Она меня выставила.

— Потому что вы снова ей солгали.

Марианна поджала губы.

— Может, вы сами с ней поговорите? Вас она послушает. Объясните, что я запуталась, что всё получилось…

— Я могу пойти с вами. Но говорить будете вы. И про её мужа, и про Оскара.

— Сегодня она слишком сердита. Я её знаю. Сейчас что ни скажи — только хуже будет.

Мора усмехнулась и раскрыла книгу.

— Тогда завтра, — ответил Адриан. — Я свяжусь с вами, когда договорюсь о встрече.

Марианна поднялась.

— Только пусть сначала успокоится.

Она задержалась рядом с ним, словно ждала ещё нескольких слов, которые позволят уйти с облегчением. Потом запахнула пальто и направилась к двери.

Мора отступила, пропуская её.

Адриан дождался, пока дверь закроется.

— Оскар сказал, что ты обещала ему тишину.

Мора подняла глаза от страницы.

— Сейчас ему тихо. Он тебе сам сказал.

— Он ударил человека, чтобы ты оставила его в покое.

— А Марианна назвала его имя, чтобы в покое оставили её.

Адриан подошёл к ней.

— Ты сказала ему, что Луи собирается запретить приходить сюда?

— Луи очень не нравилось, что ты усадил Оскара за свой стол. Я слышала.

— Я тоже. Про церковь он говорил?

Она улыбнулась.

— Оскар поверил.

Адриан остановился перед ней. От её спокойствия хотелось повысить голос, заставить хотя бы убрать эту улыбку.

— Его увезла полиция. Луи в больнице. Ты этого добивалась?

— Я хотела посмотреть, сколько он ещё будет терпеть.

Ответ прозвучал буднично. Мора провела ногтем по краю страницы, выравнивая загнувшийся уголок.

— Оставь его в покое.

Она захлопнула книгу.

— И что ты сделаешь, если я к нему вернусь?

Он мог удержать её за руку, вывести из церкви. Как защитить человека, к которому она приходила без стука, он пока не знал.

— Я буду добиваться, чтобы ему помогли. И чтобы на него перестали сваливать чужие поступки.

— Начнёшь с Марианны?

— Да.

Мора прижала роман к груди.

— Мне уже хочется посмотреть.

Адриан направился к выходу.

У двери она окликнула его:

— Ты ведь слышал, чего она боится? Подруги перестанут приходить. Вот и всё её раскаяние.

— Завтра она сможет сказать правду.

— Ты ей очень нужен, Адриан. Рядом с тобой так удобно чувствовать себя приличным человеком.

Он открыл дверь.

Глава 10

На ступенях стоял пожилой мужчина в тёмной куртке. Увидев Адриана, он убрал телефон в карман.

— Я к вам. Из-за Жизель.

Адриан провёл его в небольшую комнату рядом с ризницей и придвинул ему стул.

Муж Жизель сел, положив широкие ладони на колени. Он держался прямо; седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, возле подбородка темнел порез от бритвы.

— Она сказала, что Марианна приходила к вам исповедоваться.

— О чём вы хотели поговорить?

— О том, что теперь весь город знает, как я езжу по мотелям. Кроме меня.

Он достал телефон и открыл переписку.

— Сначала жена выставила меня из дома. Сегодня позвонила: оказывается, Марианна сама ничего не видела. Ей рассказал Оскар. А теперь посмотрите.

В городской группе под сообщением о происшествии у церкви появился комментарий Жизель. Она написала, что Оскар распространяет грязные слухи и уже разрушил одну семью. Ниже кто-то спрашивал, о какой семье речь. Ещё через несколько ответов называли её мужа.

— Она решила защитить остальных, — сказал он. — Теперь меня защищать надо. Один уже написал: дыма без огня не бывает.

Адриан вернул ему телефон.

— Вы говорили с Марианной?

— Звонил. Она сказала, что плохо себя чувствует. Жизель велит оставить её в покое, ей семьдесят восемь. А меня можно обвинять? Я помоложе, выдержу?

Он сжал телефон в ладони.

— Я хочу, чтобы она повторила при мне, что именно слышала.

— Согласитесь прийти сюда вместе с Жизель?

— А Марианна придёт?

— Я предложу ей встретиться.

Мужчина потёр большим пальцем порез на подбородке и поморщился.

— Знаете, что жена сказала, когда я начал возмущаться? Что я слишком сильно разозлился. Значит, она попала в больное место. Получается, мне следовало спокойно собрать вещи и уйти.

— Вы хотите вернуться домой?

Он посмотрел на Адриана.

— Я хочу, чтобы моя жена спросила меня, прежде чем верить соседям. Для начала хотя бы это.

После его ухода Адриан позвонил Марианне.

— А зачем её муж? — спросила Марианна, выслушав предложение. — Жизель и сама могла бы передать.

— Речь о нём, Марианна. Вы хотели, чтобы я помог вам поговорить. Я буду рядом.

В трубке слышалось её дыхание.

— Вы уже что-то ему сказали?

— Разговор с вами впереди, Марианна. Приходите завтра к десяти.

Она согласилась после долгой паузы.

* * *

Наутро Марианна пришла первой.

Адриан провёл её в ту же комнату. Она выбрала стул возле двери и сразу предупредила, что ночью почти не спала.

Жизель с мужем появились через несколько минут. Он пропустил её вперёд, затем сел напротив Марианны. Между супругами остался свободный стул.

— Я хочу сразу сказать, — начала Марианна, — что никогда бы нарочно…

— Ты говорила с Оскаром о моём муже? — спросила Жизель.

Марианна повернулась к Адриану.

— Дайте мне объяснить.

— Объясняйте, — сказал муж Жизель. — Я для этого пришёл.

В дверях появилась Мора. Сегодня на ней был тёмный свитер с широким воротом; волосы лежали на плечах. Она прислонилась к косяку.

Адриан почувствовал знакомое напряжение в животе.

— Марианна, расскажите, откуда взялась история про мотель.

— Я уже сказала Жизель, что сама ничего не видела.

— А Оскар видел? — спросил её муж.

Она замялась.

— Мы иногда разговариваем на улице. Он столько всего говорит…

— Про меня он говорил?

Марианна опустила голову.

Мора прошла за её стул и склонилась к уху.

— Скажи, что плохо помнишь. Выпила, перепутала. Посмотри, как они на тебя уставились.

— Я могла перепутать, — произнесла Марианна. — В тот вечер было вино.

Адриан упёрся ладонями в край стола.

— Вы сейчас хорошо помните, был этот разговор с Оскаром или нет?

Марианна посмотрела на него. Адриан удержал её взгляд.

— Оскар мне ничего не говорил.

Жизель выпрямилась.

Муж Жизель медленно выдохнул.

— Тогда откуда вы это взяли?

Марианна прижала платок ко рту. Когда заговорила, голос был едва слышен:

— Придумала.

Жизель подалась к ней.

— Посмотри на меня.

Марианна подняла лицо.

— Ты придумала, что видела машину моего мужа у мотеля, а потом свалила всё на Оскара?

— Я испугалась. Ты начала спрашивать, и я…

— Ты мне дважды соврала.

Мора отошла к окну. Улыбка исчезла с её лица; теперь она внимательно следила за Жизель.

— Зачем? — спросила та.

Марианна смяла платок.

— Ты сидела такая довольная. Рассказывала, как он тебе теплицу поставил. Как вы собираетесь ехать отдыхать. А я…

Она заплакала, сердито вытирая щёки.

— Я знаю, что это ужасно. Сама знаю.

Жизель повернулась к мужу. Он смотрел на Марианну, сцепив руки.

В комнате стало слышно, как за окном заводится автомобиль.

Адриан позволил им помолчать. Мора тем временем подошла к Жизель и положила ладони на спинку её стула.

— Сейчас он заставит тебя платить за каждый свой день вне дома, — произнесла она возле самого её уха. — Будешь во всём виновата. До смерти тебе этого не забудет.

Жизель потёрла лоб.

— Я ведь тоже пострадала, — сказала она мужу. — Мне тоже было тяжело.

Он повернулся к ней.

— Я тебя об этом спрашивал?

— Ты так смотришь.

— Я жду, что ты мне скажешь.

Мора наклонилась ближе.

— Уже ждёт, — прошептала Мора. — Теперь всегда будешь оправдываться.

Адриан заговорил прежде, чем Жизель успела ответить:

— Жизель, Марианна только что призналась, что оговорила вашего мужа. Он вправе ждать от вас объяснений.

— Я поверила ей, — сказала Жизель. — Мы столько лет дружим.

— А со мной ты сколько лет живёшь?

Она стиснула пальцы на коленях.

— Ты теперь будешь постоянно это повторять?

— Жизель, — вмешался Адриан, — он ещё даже домой не вернулся.

Она замолчала.

Мора посмотрела на него поверх её головы.

Адриан чувствовал, как сильно сжимает край стола. Пришлось разжать пальцы.

Муж Жизель откинулся на спинку стула.

— Мне нужно забрать остальные вещи.

— Ты совсем уходишь?

— Сегодня я домой не вернусь. Потом поговорим.

Жизель несколько секунд смотрела на него.

— Прости, — сказала она наконец. — Я должна была тебя выслушать.

Он провёл ладонью по лицу.

Марианна всхлипнула.

— Я же сказала, что виновата. Если бы можно было вернуть…

Жизель резко повернулась к ней.

— Ты сама расскажешь правду всем, кто был у тебя в тот вечер. Я больше ничего за тебя передавать не буду.

Адриан дождался, пока Марианна кивнёт, и обратился к Жизель:

— В городской группе вы написали про Оскара. Это тоже нужно исправить.

Она достала телефон. Прочитала собственный комментарий, прикусив губу.

— Удалить?

— Люди уже прочли. Напишите, что он ничего не говорил о вашем муже.

Жизель начала печатать.

Мора выпрямилась.

Марианна попросила воды. Адриан налил ей из стоявшего на столике графина. Пока она пила, муж Жизель поднялся и застегнул куртку.

Жена показала ему экран.

— Так?

Он прочитал.

— Напиши, что машину вообще никто не видел.

Она добавила ещё одну фразу и нажала на экран.

Когда все ушли, Адриан остался у стола.

Мора сидела на подоконнике.

— Вернёшь его домой — попроси Жизель поставить тебе свечку.

Адриан взял стакан, из которого пила Марианна.

— Ты слышала, что она написала про Оскара.

— Слышала. Луи от этого легче?

Он поставил стакан на поднос и повернулся к ней.

— Сейчас мы говорили о лжи Марианны.

— У тебя всё так аккуратно. С этим поговорил, того усадил, этой велел извиниться.

— И Марианна призналась, хотя ты подсказывала ей свалить всё на вино.

Мора спустилась с подоконника и подошла вплотную.

— Тогда тебе будет очень трудно слушать людей, Адриан. Я люблю разговаривать.

Он открыл перед ней дверь.

— Сегодня Марианна всё-таки сказала правду.

Мора задержалась на пороге. Её взгляд скользнул по его рту и вернулся к глазам.

— Посмотрим, сколько ты ещё будешь так собой доволен.

Она улыбнулась, но в голосе уже не было прежней ленивой насмешки.

* * *

К вечеру позвонил Луи.

Адриан как раз убирал в шкаф облачение. Увидев имя на экране, сразу ответил:

— Как ты?

— До завтра оставляют. Потом решат.

Голос звучал глухо. Адриан закрыл дверцу шкафа.

— Тебе что-нибудь привезти?

— Вещи мне привезут. Я о другом хотел спросить. Вы после этого тоже будете Оскара защищать?

Адриан присел на край стула.

— Я рассказал полиции то, что знаю. Ему нужна помощь врача.

— Мне тоже понадобилась помощь врача. Только благодаря вашему Оскару.

— Я понимаю, что ты злишься.

— Злюсь? Мне голову зашивали, отец Адриан. А вы говорите так, будто мы повздорили из-за места на парковке.

Адриан потёр переносицу.

— Я видел тебя у церкви, Луи. И хочу, чтобы ты поправился.

— Тогда хотя бы перестаньте приглашать его туда. Люди детей приводят.

— Сейчас он в отделении. О том, что будет дальше, поговорим позже.

В трубке что-то зашуршало.

— Помогайте ему, если так хочется. Только в следующий раз посадите у себя дома. Посмотрим, как вам будет спаться.

Связь оборвалась.

Адриан ещё немного посидел с телефоном в руке, затем поднялся и вернулся к шкафу.

Глава 11

Домой он вернулся затемно. Разогрел ужин, поел за кухонным столом. В тишине снова вспоминался голос Оскара: «А она со мной поедет?»

Перед сном Адриан проверил дверь из гаража и повернул ключ во входном замке. Надавил на ручку, убеждаясь, что дверь закрыта. После душа надел футболку и домашние брюки, поставил телефон на зарядку.

Он лёг на спину и закрыл глаза.

За день столько раз приходилось выслушивать, спрашивать, подбирать слова, что собственная спальня казалась единственным местом, где наконец можно было замолчать.

Женщина лежала рядом, прижавшись к нему.

Адриан чувствовал тепло её кожи под ладонью. Он провёл рукой вдоль бока, задержал её на талии. Женщина придвинулась ближе, и его охватило такое острое облегчение, будто он давно ждал именно этого — её присутствия, доверчивой тяжести возле себя.

Он хотел увидеть её лицо. Волосы скользнули по щеке; женщина повернула голову, и черты снова потерялись в полумраке.

Ладонь опустилась к бедру. Под пальцами оказался край ткани.

Адриан проснулся.

Рядом кто-то был.

Он увидел глаза в нескольких сантиметрах от своих и рванулся назад. Пятка зацепилась за одеяло. Он сдёрнул его, вскочил, ударившись коленом о тумбочку.

— Какого чёрта?!

Сердце колотилось так сильно, что он слышал его удары в ушах. Воздуха хватало только на короткие вдохи.

Мора лежала на второй подушке.

Он узнал её — и отступил ещё на шаг.

— Что ты здесь делаешь?!

Она повернулась на спину. Простыня сползла до пояса; на ней была чёрная сорочка.

— Ты всегда так просыпаешься?

Адриан нащупал выключатель. Яркий свет заставил её прищуриться.

Мора смотрела на него снизу вверх, устроившись у стены. На простыне рядом с ней осталось место, с которого он только что вскочил.

Он почувствовал боль в колене.

— Как ты вошла?

— Пока ты спал, встречал меня гораздо приветливее.

Слова дошли до него с задержкой. Он вспомнил свою ладонь на её тёплом боку.

— Я дверь запер. Как ты вошла?

Мора подперла голову рукой и улыбнулась, разглядывая его лицо.

Адриан посмотрел на окно. Шторы были задёрнуты; он сам задвигал их перед сном.

— Давно ты здесь?

— Тебе понравится какой-нибудь из ответов?

У него дрожали пальцы. Он сжал кулаки, чувствуя, как злость наконец позволяет вдохнуть глубже.

— Встань с моей кровати.

— Адриан…

— Сейчас!

Мора села. На этот раз улыбка стала осторожнее.

— Ты кричишь так, будто я собиралась тебя убить.

— Ты забралась ко мне, пока я спал.

— И тебе приснился приятный сон. Какая беда.

Он подошёл и схватил её за предплечье.

Под пальцами была тёплая кожа; от этого знакомого ощущения его снова передёрнуло.

— Вставай.

Мора встала перед ним.

— Осторожнее. Ты уже второй раз за ночь ко мне прикасаешься.

Адриан резко отпустил её.

Она добилась своего: он вспомнил движение собственной руки и на секунду растерялся. Мора наблюдала за ним с тем вниманием, с каким днём прислушивалась к чужим ссорам.

Он указал на дверь.

— Выходи.

Внизу, на спинке кухонного стула, висело её пальто. Возле ножки стояли туфли.

Адриан остановился на последней ступени. Она успела раздеться в его доме, оставить вещи на кухне и подняться к нему.

Мора прошла мимо, сняла пальто и надела его поверх сорочки.

— Ты ведь уже понял, что я тебе нравлюсь?

Он отпер входную дверь.

— Уходи.

Она обулась, придерживаясь за край стола.

— Можно сколько угодно сердиться. От этого я тебе меньше нравиться не стану.

Адриан держал дверь открытой. Ночной воздух холодил мокрую спину под футболкой.

Мора приблизилась. Он напрягся, готовый остановить её, если она снова потянется к нему.

Она заметила.

— Теперь боишься меня?

— Я хочу, чтобы ты ушла из моего дома.

Несколько секунд она смотрела ему в лицо. Затем вышла на крыльцо.

Адриан захлопнул дверь и повернул ключ.

За стеклом мелькнул её силуэт.

— Спокойной ночи, отец.

Он дёрнул ручку, потом ещё раз, сильнее. Дверь держалась.

Адриан включил свет на кухне, в прихожей, у лестницы.

Проверил заднюю дверь. Прошёл в гараж, осмотрел замок и вернулся. Окна внизу были закрыты.

Он попытался вспомнить вечер по порядку: поужинал, проверил замки, потом пошёл в душ. Она могла уже находиться внутри. От этой мысли он поднял голову к лестнице. Наверху было тихо.

В спальне Адриан раздвинул шторы. Окно было закрыто. Он прижал ладонь к раме, провёл пальцами вдоль подоконника и обернулся к кровати.

Одеяло лежало на полу. На второй подушке сохранилось углубление.

Он поднял одеяло, бросил на край матраса. Колено ныло; когда он коснулся его через ткань брюк, боль заставила поморщиться.

Адриан опустился на колени возле кровати, перенеся вес на здоровую ногу. Сложил руки.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа…

Голос прозвучал хрипло.

Он начал молитву. Знакомые слова шли медленнее обычного: приходилось удерживать внимание на каждом, пока память возвращала лицо Моры на его подушке.

«Пока ты спал, встречал меня гораздо приветливее».

Адриан крепче сцепил пальцы.

Во сне он этого не выбирал. Но ещё до сегодняшней ночи смотрел на неё в гараже, замечал её рот, тело, движения. И теперь, когда страх немного ослаб, память сохранила нежность, с которой он тянулся к женщине во сне.

Адриан наклонил голову.

— Господи…

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по потолку и исчез.

— Она мне желанна, — произнёс он тихо, почти через силу. — Ты знаешь это. Я гоню её, а потом вспоминаю, как она лежала рядом. Мне стыдно перед Тобой.

Грудь сдавило. Он перевёл дыхание и продолжил:

— Я обещал Тебе свою жизнь. Я сам выбрал её. Помоги мне остаться верным тому, что обещал. — Адриан зажмурился. — Я боюсь её, Господи. И всё равно хочу видеть.

Он вспомнил Оскара на церковных ступенях, кровь возле виска Луи. Мору у стула Жизель, её внимательное лицо, когда та собиралась снова обвинить мужа.

Адриан упёрся лбом в сцепленные руки.

— Помоги мне. Я не знаю, как её остановить.

Он долго стоял на коленях. Начинал молитву заново, возвращался к словам, которые потерял, слушал собственное дыхание.

Лампа у кровати горела до утра.

Глава 12

Утром Мора остановилась напротив булочной. За стеклом продавщица расставляла на подносах выпечку. Она брала булочки щипцами, поворачивала румяной стороной к покупателям, отступала, чтобы оценить витрину. На запотевшем стекле остался след её ладони.

Мора вспомнила руку Адриана на своём предплечье.

Пальцы сомкнулись крепко. Он был испуган, зол и совершенно уверен, что имеет право выставить её за дверь. Это выражение лица возвращалось чаще, чем ей хотелось: нахмуренные брови, напряжённый рот, глаза, в которых ещё оставался ужас пробуждения.

Сначала ей понравился его испуг. Вчера за столом священник спокойно задавал вопросы, вытягивая из Марианны признание. Ночью от этого спокойствия осталось мало.

Но потом он открыл дверь.

Мора сунула руки в карманы пальто.

Она сама поднялась с его кровати, оделась и переступила порог. А он повернул ключ и дёрнул ручку — этот звук она услышала с крыльца.

Как будто её визит был неприятностью, с которой наконец удалось справиться.

По дороге проехал небольшой фургон. Колесо задело лужу у тротуара; Мора отступила, пропуская веер грязной воды. Водитель вскинул ладонь в извиняющемся жесте и поехал дальше.

Сегодня её видели.

Мора проводила фургон взглядом и снова повернулась к булочной. Продавщица перевернула табличку на двери.

Адриан хотел помогать, защищать, исправлять — жить так, как однажды выбрал. И хотел женщину, которая в эту жизнь совершенно не вписывалась.

Мора видела, как он смотрел на неё в гараже. Помнила, с какой злостью отвёл глаза.

Ей захотелось снова оказаться рядом, когда он будет смотреть, дать ему достаточно времени, чтобы он сам сократил расстояние, а рука на её предплечье означала просьбу задержаться.

От этой мысли настроение улучшилось.

Его способность касаться её по-прежнему раздражала своей необъяснимостью. Он хватал её так естественно, будто перед ним стояла обычная женщина, а потом сам пугался, задавал вопросы, проверял чужие лица. Значит, тоже пытался понять.

Мора толкнула дверь булочной.

Внутри было тепло. Пахло сливочным маслом и горячим хлебом; возле кофемашины тихо звенели чашки. Продавщица подняла голову.

— Доброе утро. Что вам?

Мора подошла к витрине.

— Кофе и вот эту булочку. С корицей.

— Здесь будете?

У окна стоял узкий столик с двумя стульями. Оттуда были видны церковные ступени и переход через дорогу.

— Здесь.

Пока продавщица готовила кофе, Мора расстегнула пальто и повесила его на спинку стула. Ей нравилось это простое устройство человеческого гостеприимства: заплатить за завтрак — и получить место, где тебе рады, где можно спокойно ждать.

Продавщица поставила перед ней кофе с тёплой булочкой и вернулась за прилавок.

Мора разломила булочку. На пальцах осталась липкая сахарная корочка. Она слизнула её и посмотрела через окно на церковь.

Адриан появился, когда кофе уже можно было пить небольшими глотками.

Он спустился по ступеням, остановился у дороги и пропустил машину. Утренний свет подчёркивал усталость: тени под глазами, жёсткую складку возле рта. На нём были тёмная куртка и рубашка с белой вставкой у горла.

Мора поднесла чашку к губам, скрывая улыбку.

Он заметил её через стекло. Шаг стал медленнее.

Несколько секунд они смотрели друг на друга с разных сторон витрины. Потом Адриан вошёл.

— Доброе утро, отец, — сказала продавщица. — Вам как обычно?

— Да, спасибо.

Он ответил ей, продолжая смотреть на Мору.

Она поставила чашку.

— Доброе утро, отец Адриан. Вам удалось поспать?

На его лице что-то изменилось. Совсем немного: напряглась челюсть, взгляд задержался на её руках возле тарелки.

Продавщица раскрыла бумажный пакет.

Море хотелось услышать его голос таким, как ночью. Чтобы продавщица замерла с пакетом, покупатели обернулись, а он вдруг обнаружил, что объяснять собственное поведение придётся ему.

Адриан подошёл к прилавку.

— И кофе, пожалуйста.

— С собой?

Он повернулся к Море.

— Здесь.

Она чуть отодвинула свою тарелку, освобождая место.

Продавщица поставила перед ним чашку. Он поблагодарил её и сел напротив. Коленом задел ножку стола, поморщился; Мора вспомнила ночной грохот и улыбнулась.

— Ушиблись?

Он положил пакет с хлебом рядом с чашкой и посмотрел в сторону прилавка. Продавщица обслуживала вошедшего мужчину, разрезая для него большую буханку.

— После того, что было ночью, держись от моего дома подальше, — сказал он, понизив голос.

Мора наклонилась к нему.

— А ты, оказывается, умеешь разговаривать тихо. Здесь тебе удобнее меня видеть?

— Здесь есть люди.

— Да. И со мной они очень любезны.

Он сделал глоток кофе. Рука была спокойной, но чашку он поставил с излишней осторожностью.

Это начинало её забавлять. Он сам подошёл и сел, а теперь каждый раз, когда продавщица поднимала голову, она видела священника за утренним кофе с женщиной.

У прилавка зазвенела мелочь. Мужчина забрал покупки и вышел. Продавщица убрала нож, вытерла доску и обратилась к ним:

— Вам ещё что-нибудь принести?

— Всё чудесно, спасибо, — ответила Мора. — Особенно булочка.

— Завтра будут с яблоком. Тоже попробуйте.

— Обязательно.

Адриан допил кофе.

Мора следила, как он достаёт деньги, как считает сумму. Хотелось остановить его ещё одной фразой, заставить забыть о расчёте, о продавщице, о выбранном ровном тоне.

Она подалась вперёд.

— Ты всё ещё сердишься?

Он убрал кошелёк.

— Ты забралась ко мне в постель, пока я спал. Что именно тебе непонятно?

Сказал негромко, так, что слышала только она. Мора ощутила короткое раздражение: он снова заставлял её вспоминать дверь и поворот ключа.

— А сейчас сам сел рядом.

— Чтобы сказать это тебе в лицо.

Адриан поднялся, взял хлеб и направился к выходу. Возле прилавка попрощался с продавщицей.

Мора проводила его взглядом. У церкви ему встретилась женщина с хозяйственной сумкой. Они остановились поговорить. Он немного наклонил голову, слушая, затем взял у неё тяжёлую сумку и понёс к ступеням.

— Вы давно знакомы с отцом Адрианом? — спросила продавщица.

Мора повернулась к ней.

Женщина собирала со стола посуду. Вопрос прозвучал непринуждённо, но чашку Адриана она уже поставила на поднос, а возле Моры задержалась.

— Недавно познакомились.

— Я так и подумала. Вы у нас раньше не бывали?

— Буду заходить. Меня зовут Мора.

Продавщица улыбнулась.

Мора допила кофе, разглядывая церковную дверь. За ней только что скрылся Адриан.

Она взяла пальто.

Теперь, по крайней мере, в булочной будут знать её имя.

* * *

К семи Марианна достала лото.

Мешочек с бочонками лежал в нижнем ящике буфета, за праздничными салфетками. Когда она высыпала его содержимое на стол, один бочонок скатился на пол. Пришлось опереться на спинку стула, нагнуться, поискать под скатертью. На лакированном боку стояло число семнадцать.

Жизель всегда говорила, что семнадцать приносит ей удачу. Если выигрывала, напоминала об этом до конца вечера.

Марианна положила бочонок к остальным.

Вчера, вернувшись от Адриана, она позвонила каждой из подруг. Говорила примерно одно и то же: история про мотель оказалась выдумкой, Оскар здесь ни при чём, она виновата. На третьем звонке голос уже садился. Приходилось повторять, потому что на другом конце спрашивали: «Подожди, что значит — выдумала?»

Все выслушали. Одна сказала, что ей нужно время это переварить. Другая вздохнула так тяжело, словно Марианна сообщила о чьей-то смерти.

Теперь она поставила на стол тарелку с сыром и достала бокалы.

Сегодня можно было начать с обычного. Спросить про сад, пожаловаться на цены, раздать карточки. Первые несколько минут будут неприятными. Потом кто-нибудь заговорит, потянется за сыром, попросит долить вина.

Марианна подошла к окну.

Без десяти восемь.

Она взяла телефон и набрала номер подруги.

Ответили после нескольких гудков.

— Да, Марианна?

За голосом послышался знакомый сухой стук. Так бочонки перекатывались в деревянной миске, которую Жизель использовала вместо мешочка.

— Вы уже начали?

На другом конце стало тише.

— Мы у Жизель.

Марианна посмотрела на приготовленные бокалы.

— А почему мне никто не сказал?

— Думали, сегодня так будет лучше.

— Кому?

Подруга помедлила.

— После того, что произошло, ей пока тяжело с тобой общаться.

Издали донеслось:

— Двадцать четыре. Кому двадцать четыре?

Марианна узнала голос Жизель. Бодрый, громкий, тот самый, которым она обычно объявляла числа у неё дома.

— Я могу зайти ненадолго, — сказала Марианна. — Мы бы поговорили.

— Давай через несколько дней. Пусть всё немного уляжется.

Кто-то засмеялся. Подруга прикрыла телефон ладонью, но Марианна успела услышать ответный смешок.

— Хорошо, — сказала она. — Играйте.

— Ты только не обижайся.

Марианна завершила звонок.

Она отнесла бокалы обратно в буфет. Один задел соседний, тонко звякнул. Эти бокалы подруги подарили ей на день рождения. Выбирали вместе, потом спорили, кто предложил именно такой рисунок.

Она закрыла стеклянную дверцу.

«Ты только не обижайся».

Как удобно было произнести это из чужой тёплой кухни, где тебе уже налили вина и раздали карточки.

Сколько раз ей предстояло повторить, что она завистливая дура, прежде чем они сочтут наказание достаточным?

У неё защипало в носу.

У Жизель сегодня полный дом. Муж хотя бы знает, что его имя очистили. Адриана завтра будут приветствовать на улице, благодарить, просить о помощи.

Ей достался этот стол.

Марианна налила вина. Отпила слишком быстро и закашлялась. Прижала салфетку к губам, переждала, пока отпустит, затем села поудобнее и взяла кусочек сыра. Он успел подсохнуть по краям.

Телефон лежал возле локтя. Она открыла недавние вызовы и нашла номер Адриана.

Хотелось, чтобы он услышал, как здесь тихо. Пусть объяснит, что ей делать с этим вечером. Пусть скажет, сколько ещё вечеров нужно просидеть одной, чтобы наконец стать достаточно раскаявшейся.

Палец задержался над значком вызова.

Он предложит помолиться, потерпеть, дать Жизель время.

Марианна убрала телефон в карман.

Потом собрала карточки и ссыпала бочонки в мешочек. Затянула шнурок, унесла лото в буфет.

Бокал она оставила на столе.

* * *

На следующее утро Марианна выбросила подсохший сыр.

Она вымыла тарелку и отправилась за молоком, яйцами и хлебом. В супермаркете взяла корзину: тележка теперь казалась слишком большой для того, что ей требовалось.

— Простите, можно у вас спросить?

Рядом стояла высокая темноволосая женщина. В одной руке она держала корзину, в другой — упаковку сыра.

— Вы такой пробовали? Хочу взять к вину, а здесь столько всего, что я уже третий раз возвращаюсь к одной полке.

Марианна надела очки, висевшие на цепочке.

— Этот брала. Мне слишком солёный. Какое у вас вино?

— Красное. Хочется, чтобы сыр был поострее.

Марианна вернула пакет молока в корзину и указала на небольшой кусок с тёмной корочкой.

— Тогда попробуйте вот этот.

Женщина положила сыр в корзину, и Марианне стало приятно. Обычно подруги сначала долго спрашивали её мнение, а потом покупали то, что выбрали с самого начала.

— Мы с подругами его часто брали. К вечеру самое то. Вино, сыр, лото — и можно до ночи просидеть.

— У вас хорошая компания.

— Была, — ответила Марианна, поправляя очки. — Теперь в другом месте собираются. У одной из нас кухня просторнее.

Вблизи женщина оказалась очень красивой. Большие тёмные глаза, чёткие скулы, полные губы. Волосы свободно лежали на воротнике пальто. С такими обычно хотелось разговаривать осторожнее: слишком легко рядом с ними почувствовать себя старой и нелепой.

Но эта слушала её внимательно.

— Я вас раньше здесь не встречала, — сказала Марианна.

— Я ещё осваиваюсь. Меня зовут Мора.

— Марианна.

Они пошли к кассам вместе. В очереди Марианна заглянула в корзину новой знакомой: сыр, хлеб, бутылка вина.

— У вас гости вечером?

— Я сама себе гость. Буду пробовать то, что вы посоветовали.

Дома Марианну ждали вчерашняя бутылка и убранное в буфет лото.

— Приходите ко мне, — сказала она. — У меня вино уже открыто. Заодно скажете, как вам сыр.

— С удовольствием, — ответила Мора.

Марианна назвала адрес, объяснила, как найти дом, и предложила обменяться номерами.

К приходу Моры Марианна убрала газету с дивана и поставила на стол два бокала.

На этот раз она точно знала, что придут.

Мора появилась в назначенное время, принесла выбранный сыр и хлеб.

Марианна провела гостью в гостиную. За столом Мора выбрала стул, на котором обычно сидела Жизель. Марианна заметила это, пока доставала нож, и положила разделочную доску перед новой знакомой.

— Нарежете? А я вино принесу.

Мора сняла пальто, закатала рукава и принялась за сыр. Движения у неё были уверенные, ломтики получались тонкими. Марианна достала из холодильника оливки и поставила рядом небольшую миску.

Мора ела сыр, слушала и смеялась в нужных местах. Марианна постепенно перестала следить, сколько говорит.

— Вам здесь хорошо, — заметила гостья. — Уютно.

Марианна оглядела комнату. Торшер возле кресла, фотографии на комоде, буфет, который она выбирала ещё много лет назад. Всё привычное вдруг захотелось показать.

— Я люблю, когда ко мне приходят.

— Это заметно.

Марианна долила ей вина.

— Мы поссорились из-за моей выдумки о муже Жизель, — сказала Марианна, глядя в бокал. — Я всем призналась. А они теперь словно решили, что я всю жизнь только и делала, что им врала. Отец Адриан настоял, чтобы я рассказала им правду. Я его просила помочь нам помириться. Вы с ним ещё не знакомы?

— Несколько раз разговаривали, — ответила Мора.

— Тогда вы знаете, какой он. Спокойный, уверенный. Сидит, спрашивает, смотрит на тебя. И ты уже чувствуешь, что должна всё объяснить именно так, как он требует.

Позавчера перед Жизель ей трудно было подобрать слова. Сейчас они находились сами.

— Я понимаю, что поступила плохо. Но можно ведь было как-то… мягче. Мне с ними дальше жить.

Мора провела пальцем по ножке бокала.

— А после встречи он спросил, как вы?

— Нет. Видимо, решил, что теперь у меня всё в порядке.

Мора слушала без возражений. Марианна потянулась к бутылке: впервые за эти дни ей не приходилось оправдываться.

— Ещё немного?

Мора придвинула бокал.

Марианна налила и подумала о подругах без желания проверить телефон. Пусть собираются у Жизель. Пусть обсуждают её, сколько хотят.

— Заходите ко мне ещё, — сказала она. — Даже без сыра.

— Зайду.

Марианна улыбнулась.

— И давайте уже на ты. А то я сижу в собственном доме, как на приёме.

Глава 13

К пабу Адриан подошёл уже после восьми.

Сквозь окна были видны столики, плечи сидящих у стойки людей, экран над полками с бутылками. У входа двое мужчин курили и обсуждали чей-то ремонт. Один придержал для него дверь.

Внутри пахло жареным луком и пивом. Этот запах неожиданно обрадовал Адриана. Здесь можно было заказать ужин и услышать знакомые голоса.

Макс заметил его первым.

— Мы уже решили, что ты передумал.

Фредерик сидел боком к залу, вытянув ноги под соседний стул. Возле губы ещё темнела корочка, припухлость спала, оставив желтоватый след на подбородке. Когда он улыбнулся, Адриан увидел, как осторожно тот растягивает рот.

— У нас сегодня тихо, — сказал Фредерик. — Я заранее проверил: все мужья дома.

Адриан снял куртку.

— Ты теперь ведёшь расписание?

— После такого стоило бы.

— Ему бы для начала своё запомнить, — вмешался Макс. — На приём к зубному чуть не опоздал.

Адриан сел. Стул под ним привычно скрипнул.

— Что с зубом?

— Пока оставили. Велели беречь.

— Воспользуйся случаем, — сказал Макс. — Помолчи несколько дней.

— Врач говорил про жевать.

— Я уточнял.

Фредерик показал ему средний палец.

Адриан рассмеялся. Смех вышел неожиданно громким, и оба друга посмотрели на него.

— Вот, — удовлетворённо сказал Макс. — Уже лучше. А то вошёл с таким лицом, будто сейчас сообщишь, что нам всем осталось до понедельника.

Подошёл хозяин. Адриан заказал пиво и ужин, затем отодвинул телефон к краю стола.

Усталость стала ощутимее, едва он сел. В церкви приходилось держаться прямо, слушать до конца, помнить, кому обещал позвонить. Здесь Макс подвинул к нему корзинку с хлебом, а Фредерик убрал со свободного места свою куртку.

За соседним столом спорили о скачках. Мужчина у окна объяснял, что лошадь слишком рано вывели вперёд. Его собеседник уже третий раз просил показать, сколько тот сам выиграл.

Фредерик прислушался.

— Я бы на его месте предъявил счёт за консультацию. Он полвечера всем объясняет, как разбогатеть.

— Ты тоже советы раздаёшь бесплатно, — сказал Макс. — Посмотри, к чему привёл собственную жизнь.

— К ужину с двумя занудами.

Принесли пиво. Адриан отпил, чувствуя холод стекла в ладони. Горечь осталась на языке, знакомая и простая.

Фредерик наклонился к нему.

— Я тебе толком спасибо не сказал за тот вечер. Помню, как об стол ударился, а дальше всё кусками. Макс рассказал, как вы его оттащили.

Улыбка исчезла с его лица. С повреждённой губой он выглядел старше и серьёзнее, чем обычно.

— Он мог ещё раз ударить. А ведь я видел его раньше. Здоровались даже. Спокойный мужик.

Макс покачал головой.

— Оставь эту семью в покое, Фредерик.

— Уже оставил. Она сама сказала больше не звонить.

— И ты?

— А я что? Ходить под окнами с цветами? Мне одного знакомства с её мужем хватило.

Он попытался усмехнуться, поморщился и осторожно коснулся губы.

Адриан вспомнил Мору в полутёмном зале, её удовольствие от чужой боли. Фредерик объяснял случившееся ревностью мужа и собственной неосторожностью. Захотелось рассказать друзьям остальное: о женщине у стены, о том, что он видел в булочной. Услышать хотя бы один ответ, который не пришёл ему самому в голову.

— Ты опять ушёл куда-то, — заметил Макс.

Адриан провёл ладонью по лицу.

— Плохо сплю.

— Из-за Оскара?

— И из-за него тоже.

Фредерик придвинулся ближе.

— Оскар всё ещё в больнице? А Луи как?

— Оскар в больнице. Луи лечится и злится на меня.

Макс откинулся на спинку стула.

— Он и до этого находил повод.

— На этот раз ему голову зашивали.

— Я понимаю. Но ударил его Оскар, а не ты.

Адриан посмотрел на пену, осевшую внутри кружки. Он сам мог бы сказать это человеку, который взвалил на себя слишком много. Сейчас слова почти не помогали.

Макс понизил голос:

— Ты можешь переживать за обоих. Только спать тебе всё равно надо.

Принесли ужин. Тарелка была горячей; от мяса поднимался пар. Адриан взял нож и вдруг понял, что голоден.

Некоторое время они ели. Фредерик ворчал на жёсткий край хлеба, Макс рассказывал, как утром полчаса искал ключи, которые сам убрал во внутренний карман куртки. Адриан слушал и постепенно возвращался к столу, к свету над ним, к теплу еды.

— Есть ещё одна женщина, — сказал он.

Макс замолчал, Фредерик поднял голову. Адриан сразу пожалел о том, как это прозвучало: оба ждали продолжения.

— Она приходит ко мне. Разговоры с ней… — Он поискал слово и раздражённо выдохнул. — После них трудно сосредоточиться.

— Прихожанка? — спросил Макс.

— Нет.

Фредерик положил вилку.

— Нравится тебе?

Вопрос оказался слишком прямым. Адриан посмотрел на друга, и тот слегка пожал плечами.

— Ты сказал «женщина», потом полминуты выбирал, как объяснить. Я поэтому спрашиваю.

Адриан опустил глаза к тарелке.

— Да.

Произнести это здесь было иначе, чем ночью в спальне. Напротив сидели люди, которые знали его несколько лет, видели злым, весёлым, уставшим. Теперь они знали ещё и это.

Макс взял кружку.

— Она понимает, что ты священник?

— Прекрасно понимает. Это её не останавливает.

Фредерик потёр подбородок, обходя больное место.

— А ты хочешь, чтобы перестала?

Адриан опасался именно этого вопроса. Хотел, чтобы Мора оставила Оскара, прекратила подталкивать людей, появляться в его доме, ловить каждую слабость. И всё же вчера утром у витрины он первым делом заметил её лицо.

— Я сказал ей держаться от моего дома подальше.

О подробностях Адриан сейчас говорить не мог. Они потянут за собой остальное, и весь вечер придётся смотреть, как друзья пытаются решить, что с ним происходит.

Фредерик заметил его напряжение.

— Ладно. Захочешь — расскажешь.

Макс придвинул к себе пустую тарелку.

— А сегодня поешь нормально и посиди с нами. Нам всё равно ещё слушать, как Фредерик собирается резко поумнеть.

— Я ничего такого не обещал.

— Мы надеемся без твоего участия.

Адриан улыбнулся.

За соседним столом наконец потребовали переключить скачки. Кто-то у стойки возмутился, начался спор. Фредерик немедленно вмешался, хотя ещё минуту назад утверждал, что ему совершенно всё равно, что показывают.

Макс наклонился к Адриану.

— Завтра приходи ко мне ужинать. Я готовлю, этот моет посуду.

— С какого хрена? — отозвался Фредерик.

— Видишь, уже обсуждаем меню.

Адриан почувствовал, как ослабевает напряжение в плечах.

— Приду.

Макс кивнул и занялся оставшимся хлебом, будто ответ был самым обычным делом.

Адриан вернулся к ужину. Телефон у края стола молчал. Впереди ещё оставался вечер, и впервые за несколько дней ему хотелось, чтобы тот продолжался.

* * *

Наутро, после выписки, Луи зашёл в церковь за своей папкой.

Её оставили на скамье у бокового входа. Бумаги внутри кто-то заботливо расправил, даже сложил по порядку. Первым лежало объявление, которое Луи собирался повесить в тот день. На нижнем краю остался след каблука.

Он вынес папку на улицу. Отсюда, со ступеней, хорошо было видно место возле клумбы, где он очнулся, пока женщина рядом с ним вызывала скорую. Луи помнил её туфли. Помнил, как она прикрыла ему лицо ладонью от солнца. А самого удара в памяти не осталось. Он вынужден был спрашивать у других, что с ним произошло, и это злило его едва ли не сильнее, чем боль.

— Уже отпустили?

Та самая женщина поднималась по ступеням. Луи узнал её по голосу.

— Сегодня утром. Это вы мои бумаги собрали?

— Я. Там всё цело?

— Спасибо. И за то, что остались со мной.

— Господи, Луи, куда же я бы ушла?

Она остановилась ступенькой ниже. Под её взглядом он почувствовал полоску выбритой кожи у виска, края пластыря. Дома, пока умывался, старался повернуться к зеркалу другой стороной.

— Скажите мне одну вещь. Вы теперь спокойно будете сюда приходить?

— Я и пришла.

— А когда Оскара выпишут?

Женщина задумалась.

— Наверное, первое время буду оглядываться, — сказала она. — Особенно если со мной внук. А почему вы спрашиваете?

— Потому что я уже спросил отца Адриана, что он собирается делать. Он сказал, поговорим позже. По-моему, самое время.

— Так зайдите к нему.

— Вдвоём мы уже поговорили. Я хотел бы, чтобы он и вас услышал.

У двери остановился мужчина. Луи помнил его руки на плечах Оскара, когда того отвели к ограде.

— Я скажу, если надо, — вмешался тот. — Вы после службы будете здесь?

Луи раскрыл папку. На обороте испорченного объявления оставалось достаточно места. Он достал ручку и написал, что после службы просит прихожан остаться у бокового входа и обсудить с отцом Адрианом случившееся. Ниже поставил своё имя.

— Только вы уж и про себя расскажите, — сказала женщина. — Как схватили его. Я ведь видела.

Ручка продавила бумагу под последней буквой.

— У меня швы на голове. Кажется, я имею право задать вопрос.

— Конечно, имеете. Я останусь.

Она вошла в церковь. Луи прикрепил объявление к доске у двери. От отца у него осталась привычка проводить большим пальцем по каждой кнопке, проверяя, плотно ли вошла. Тот терпеть не мог листков с отогнутыми углами. Тридцать лет возился с этой доской, с разбухавшей от дождя дверью, с водостоком над ступенями. К нему шли, если что-то случалось.

Луи отошёл на шаг. Его имя под объявлением читалось с дорожки.

* * *

После службы у бокового входа осталось человек двенадцать. Адриан знал об объявлении с утра. Его успели спросить, правда ли теперь закроют калитку со стороны площади, хотя о калитке в записке Луи не было ни слова.

Луи стоял возле клумбы с папкой под мышкой. Куртка висела на нём свободнее, чем раньше. Солнце било в тот глаз, над которым белел пластырь, и ему приходилось щуриться.

Адриан подошёл к нему.

— С возвращением, Луи. Давай перейдём в тень. Что ты хотел спросить?

Люди сдвинулись за ними вдоль стены. В последнем ряду Адриан заметил Марианну. Она разговаривала с женщиной в чёрном пальто, доверительно наклонившись к её плечу. Когда кто-то прошёл между ними, спутница взяла Марианну под локоть и помогла обойти выступавший из земли корень.

Мора.

— Когда Оскар вернётся, вы его сюда пустите? — спросил Луи.

Адриан повернулся к нему.

— Если он захочет прийти, да. Оскар сейчас в больнице. Когда он вернётся, я с ним встречусь.

— А я что должен буду делать, если столкнусь с ним вот здесь? Поздороваться? Он меня камнем по голове ударил. Вы хотя бы это ему сказали?

— Я спросил его, как всё произошло. Пока мы разговаривали, тебя укладывали на носилки. Он хотел знать, жив ли ты.

У Луи дёрнулась щека.

— Хотел знать, жив ли я, — повторил он. — Хорошо. Спасибо ему за беспокойство.

Из толпы отозвался мужчина, удерживавший Оскара:

— Луи дело говорит. Отец Адриан, в тот раз вы подошли, когда всё уже кончилось. А мы что должны были делать, пока вас не было?

Вопрос заставил Адриана присмотреться к нему. У ограды этот человек показался ему злым. Сейчас он стоял, засунув руки в карманы куртки, и терпеливо ждал ответа. Он и правда оказался между человеком с разбитой головой и перепуганным Оскаром. У Адриана было несколько дней, чтобы поблагодарить его. В тот день он только велел ему дать врачам работать.

— Ты отвёл Оскара от Луи. Ты помог обоим, — сказал он. — Я должен был тогда тебе это сказать.

Мужчина кивнул.

— А я слышала, как Оскар просил его отпустить, — вмешалась женщина рядом с Луи. — У мальчишек драка бывает, и то сперва выясняют, кто кого за грудки схватил.

— Мне следовало дать ему дальше поносить моего отца? — спросил Луи.

— Мне показалось, вы его собирались ударить. Я стояла от вас в двух шагах. Каково ему-то было?

— Господи, да я держал его за пальто! — Голос у Луи сорвался. Он потише добавил: — Я утром голову мою и боюсь шов задеть. А тут уже получается, я ему и камень вложил в руку.

Женщина помолчала.

— Мне жаль, что вам так досталось, Луи.

Он отвернулся. Адриан увидел, как тот осторожно промокнул рукавом угол глаза со стороны пластыря. Несколько человек опустили головы, давая ему прийти в себя.

— Я тоже хотела бы кое-что спросить, отец.

Марианна вышла вперёд. Мора выпустила её локоть и осталась у стены.

— Когда вы просите человека что-то сделать, вы потом узнаёте, как у него дела?

Адриан понял, о чём она. Было странно слышать этот вопрос здесь, среди людей, которым предстояло разойтись по домам и пересказать всё, что они услышали.

— Вы обо мне спрашиваете, Марианна, или хотите поговорить о себе?

— О себе. Мне вы объяснили, что надо сделать. Я сделала. Позавчера весь вечер сидела дома и думала, позвонит ли хоть кто-нибудь. Я вам тогда, видимо, уже ни к чему была.

По рядам прошёл шорох. Луи посмотрел на неё с интересом.

— Я должен был вам позвонить, — сказал Адриан.

Марианна обернулась к Море.

— Ко мне гостья пришла. Вот кто спросил, как у меня дела. И вы её знаете, между прочим.

Она произнесла это с удовольствием.

— Добрый день, — сказала Мора.

— Мы вчера познакомились, — пояснила Марианна. — А сегодня я сама её позвала. Она у нас в городе недавно. Что же ей, одной ходить?

— Хорошо, что у вас была компания.

— Да, хорошо. Она умеет слушать до конца.

Луи воспользовался паузой.

— Вот и я хочу, чтобы нас выслушали. Я готов после службы оставаться у входа. Думаю, найдутся ещё люди. Нам хотя бы нужно договориться, к кому обращаться, если опять начнётся ссора.

Предложение было разумным. Адриан видел и другое. Луи стоял возле доски, за которой когда-то следил его отец, с папкой под мышкой и с людьми вокруг. Утром он один подписал листок. Сейчас уже говорил «мы».

— Давайте договоримся, — ответил Адриан. — Завтра после вечерней службы я буду здесь. Ты, Луи, расскажешь, как это представляешь. Приходите и вы, кто был на площади. Мне важно услышать, где вам понадобилась помощь. А когда Оскар выйдет, я сам приглашу его на разговор.

— И его мнение будете спрашивать?

— Конечно. Вы ведь сейчас обсуждаете, сможет ли он войти в эту дверь.

Луи принял ответ едва заметным кивком. Этого ему на сегодня хватило. Он раскрыл папку и принялся записывать, кто готов прийти завтра.

Марианна направилась к калитке вместе с Морой. Адриан догнал их возле дорожки.

— Марианна, можно вас на минуту?

Она остановилась. Мора отошла достаточно далеко, чтобы пропустить семью с ребёнком, и осталась ждать по другую сторону калитки.

— Мне и правда стоило спросить, как вы себя чувствуете после нашего разговора, — сказал Адриан. — Я помню, как трудно вам было прийти.

— Спасибо, отец.

Марианна уже смотрела в сторону улицы. Там её ждали.

— Где вы с ней познакомились?

— В магазине, у прилавка. Она выбирала сыр. А почему вы спрашиваете?

У него было несколько ответов, и каждый требовал объяснить, что Мора делала рядом с ней раньше, когда сама Марианна ещё не знала её имени.

— Я удивился, увидев вас вместе.

— А я рада, что мы познакомились. Мне с ней хорошо.

У калитки Мора придержала створку. Марианна взяла её под руку. Обе пошли по тротуару в сторону площади, приноравливаясь к шагу друг друга.

* * *

Вечером дверь ему открыл Фредерик. Через плечо у него было перекинуто мокрое полотенце.

— Проходи. Сказал бы, что рад тебя видеть, но с твоим приходом нас становится на одну тарелку больше.

— Он уже начал мыть? — спросил Адриан.

— Он уже начал жаловаться, — отозвался из кухни Макс.

На столе стояла тяжёлая сковорода с картофелем и курицей. Для Фредерика Макс оставил кусочки помягче и теперь отгонял его от плиты, потому что тот выбирал их прямо из соуса. Адриану достался стул возле приоткрытого окна. С улицы тянуло прохладой, от сковороды шёл жар, и, усевшись между ними, он почувствовал, как проголодался.

— Луи тебя сегодня всё-таки достал? — спросил Макс, накладывая ему еду.

— Мы договорились о встрече. Он хочет, чтобы у церкви после службы кто-нибудь оставался.

— Раньше там его отец торчал, — сказал Фредерик. — Попробуй мимо пройти с сигаретой. Я до сих пор, когда иду вдоль ограды, прячу её за спину.

Адриан улыбнулся. Для Фредерика прежний смотритель так и остался человеком, чей намётанный глаз замечал каждого подростка с окурком. Луи, наверное, вспомнилось бы что-нибудь другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.